

Ф. М. ТОЛСТОЙ И ЕГО ПИСЬМА К НЕКРАСОВУ

Статья и публикация Корнея Чуковского

I

Феофил (или Теофил) Матвеевич Толстой (1807—1881) смолоду вращался в великосветском обществе. Там высоко ценили его как певца, композитора, актера и рассказчика¹. В мемуарах и письмах, относящихся к 20—30-м годам, мы довольно часто встречаем такие упоминания о нем:

«У него очень приятный дар! — столько души в пении, отличный музыкант», — писала о нем Анна Шереметева². «У него замечательный талант, и он сочинил очень хорошие вещи!», — сообщал о нем известный почт-директор А. Я. Булгаков³. «Пение мое составляло тогда неизбежную модную принадлежность», — вспоминал впоследствии он сам в одной из своих мемуарных заметок⁴.

Он принадлежал тогда к небольшому кружку светских знакомых Глинки. Глинка, вспоминая те годы, писал о Феофиле Толстом, что голос у него был «симпатичный» и что он «чрезвычайно мило пел тенором»⁵.

Композитором Феофил Толстой был весьма плодовитым. С 1827 г. по 1838 г. им написано, по его же подсчету, до 280 разных романсов⁶.

В аристократических домах Петербурга он считался своим человеком, ибо происходил из старинной, родовой семьи (родной внук М. И. Кутузова), воспитывался в пажемском корпусе и обладал многочисленной родней в придворной и великосветской среде.

«Сестра его у великой княгини Елены Павловны фрейлиной», — пишет о нем тот же Булгаков. «Брат его Иван Матвеевич, — вспоминает композитор Ю. Арнольд, — был одним из любимцев государя-императора». А он сам, — по словам Арнольда, — «оказался одним из немногих, которые удостоивались счастья быть приглашаемыми на вечеринки государыни императрицы Александры Федоровны»⁷.

Словом, знатность, талант и придворные связи — все было к услугам Феофила Толстого. Едва ли можно было в те времена сомневаться, что он без особых усилий сделает большую карьеру, — тем более, что честолюбие (вернее, тщеславие) было свойственно ему в огромных размерах. Недаром он выбрал себе псевдоним «Ростислав», то-есть, как он сам объяснял: «рости, слава!». Недаром, позднее, в 50-х годах, его литературные недруги даже в печати называли его «искатель известности»⁸. Кроме романсов, опер, кантат, ораторий, он писал и повести, и романы, и драмы, и фельетоны, и критические статьи, и комедии, — и, если судить по журналистике 50-х и 60-х годов, в конце концов ему удалось добиться кое-какой популярности. Его имя постоянно мелькает в тогдашних газетно-журнальных статьях. А если обратиться к переписке его современников, можно найти его имя и в письмах Глинки, и в письмах Некрасова, Гончарова, Лескова, Анненкова, А. К. Толстого, Балакирева, Мусоргского, Бородина, Цезаря Кюи, Даргомыжского. Некрасов в своей сатире «Газетная» (1865) называет его имя, как общеизвестное, в ряду других популярных имен:

... Даже избранный круг
Увлекали талантом недавно
Граф Толстой, Фет и просто Толстой.

В то время не требовалось никаких комментариев, объясняющих читателю, что это за «просто Толстой». Все знали, что это — «Ростислав Феофилович», — как назвал его в одном из своих фельетонов престарелый Барон Брамбеус...⁹

В. В. Стасов писал о нем в позднейшей статье: «Ныне совершенно забытый, а в 40-х — 50-х годах очень известный музыкальный критик...»¹⁰

Но известность у него была незавидная.

Изучая письма и мемуары его современников, мы вскоре наталкиваемся на одно обстоятельство, которое кажется нам удивительным — по крайней мере, на первых порах: почему-то все эти люди, которых мы сейчас перечислили, говорят о нем в полупрезрительном или откровенно издевательском тоне, словно дело идет о таком человеке, которого нельзя уважать. Самое имя его Феофил почему-то каждый из них превращает в фамильярно-обидную кличку, и, как бы ни были разнообразны эти клички, они единодушно свидетельствуют о всеобщем неуважении к нему.

Так, Владимир Стасов называет его в своей переписке Фифи¹¹. Мусоргский называет его то Фифила, то Фиф¹². Бородин дает ему такие же прозвища¹³. Барон Розен называет его Филка¹⁴. Серов, по примеру Сенковского, зовет его в своем журнале Феофилич, и даже для пущей обиды делает имя его нарицательным, указывая, например, что и в иностранных музыкальных кругах тоже имеются свои «феофиличчи»¹⁵. В близкой Некрасову литературной среде его принято называть Феофилкой¹⁶.

Кажется, даже Фаддея Булгарина не награждали за всю его жизнь таким количеством презрительных кличек.

Даже громкий и высокопарный его псевдоним Р о с т и с л а в был переименован самым оскорбительным образом. По словам Н. С. Лескова, некий князь Б., встречав Ростислава, обратился к нему с дружеским упреком, без всякого желания обидеть его: «И что тебе, скажи, за охота подписывать свои статьи Б р а н д ы х л ы с т?»¹⁷

Нужно сильно не уважать человека, чтобы предположить, что он может присвоить себе такое шутовское прозвание.

Над ним издевались не только в статьях, разговорах и письмах. Мусоргский заклеил его в музыке, выведя его в своем знаменитом «Райке». «Это до того уморительно, — писал В. В. Стасов о шарже великого мастера, — что всякий раз мы просто за животы держались, катаясь со смеху... Всего смешнее Фиф-Ростислав, который поет невероятные глупости на тему пошлейшего вальсика... Выходит карикатура великолепная»¹⁸.

Эта карикатура шельмует Ф. Толстого главным образом как музыкального критика, ибо как певец и как композитор, он успел потерпеть полное фиаско гораздо раньше. Глинка в одном из писем назвал его произведения «канителью»¹⁹. Его опера «Il Birichino di Parigi» провалилась после первой же постановки на сцене, а его романсы, которые в 30-х годах так высоко ценились и в Зимнем дворце и в аристократических салонах обеих столиц, уже через несколько лет были всеми пренебрежены и забыты. Граф М. Д. Бутурлин в своих «Записках» сообщает о «меломане» Феофиле Толстом, что он уже к 1845 г. «покинул сколачивание прежних своих русских романсиков (правду сказать, не особенно даровитых)»²⁰. Оказалось, что музыка его, хорошо приспособленная для интимных вечеров у княгини Голицыной, у графини Клеймихель, у императрицы Александры Федоровны, вне этого круга не имела никакого значения.

Уже в 1852 г. он элегически писал о себе: «Я человек, которому мало или вовсе ничего не удастся. Несколько лет я был музыкантом, написал и напечатал более полтора романа, из которых не более дюжины приняты под покровительство почтеннейшей публики... Остальные <...> преданы вечному забвению... Что было делать? Куда деваться?»

Тогда-то он и решил посвятить себя писательской деятельности: сделался беллетристом, публицистом и критиком. На этом поприще он усердно работал без малого сотворка лет, но и здесь не добился хотя бы малой доли того уважения, какое, казалось бы, подобало ему, как литературному труженику: так и остался до конца своих дней Феофилкой. Вскоре, благодаря своим связям, он выхлопотал себе (уже будучи в звании

гофмейстера) высокое назначение по цензурному ведомству: сделался членом Совета Главного управления по делам печати и проявил в этой области столь же неутомимую деятельность; однако и здесь, как мы ниже увидим, потерпел решительный крах и был не без позора уволен в отставку.

В одном из своих писем И. А. Гончаров, заговорив о бесталанных дилетантах, прибавил, что все они «погибают в пучине... если только не лезут напролом, как Феофил Толстой: он и композитор, и романист, задорный самолюбец, а в сущности ничтожество, умеющий протекцией своей добиться только печальной известности образцового неудачника»²¹.

Гончаров был давним знакомым и сослуживцем Феофила Толстого, и его отзыв вполне выражает то мнение, которое прочно сложилось о Феофиле Толстом в тогдашних литературных и музыкальных кругах.

Ф. М. ТОЛСТОЙ

С фотографии 1870-х гг.

Местонахождение оригинала неизвестно

Это суровое мнение кажется нам не вполне объективным. Нельзя объяснять неудачи Феофила Толстого бездарностью. Всякий, кто прочтет хотя бы два томка его «Сочинений», вышедшие в середине 60-х годов, должен будет прийти к заключению, что это был вполне профессиональный писатель, достаточно умело владевший пером. Таланта в нем почти незаметно, но он был не хуже других середняков-беллетристов, и то презрительное отношение к нему, о котором мы сейчас говорили, объясняется отнюдь не бедностью его дарований, а одной особенностью его душевного склада. Эта особенность была присуща не ему одному, но и многим его современникам, принадлежавшим к той же социальной формации. Только у него она выражена наиболее рельефно и является, так сказать, главной основой его поведения. Необходимо познакомиться с этой типической чертой еголичности, так как без нее непонятны ни его своеобразные отношения с Некрасовым, являющиеся темой настоящей статьи, ни та странная роль, которую сыграл он в цензурной истории русской передовой журналистики 60-х годов.

Наиболее наглядно это свойство Феофила Толстого сказалось в его необыкновенном поступке с его однофамильцем — поэтом Алексеем Толстым. В 1868 г. Алексей Толстой закончил свою известную трагедию «Царь Федор Иоаннович». Феофилу Толстому трагедия пришлась по душе. Он прочитал ее в рукописи и выразил автору свое восхи-

щение. Вообще, к его драматургии он относился восторженно, что явствует хотя бы из следующих стихов Алексея Толстого:

В твоём письме, о Феофил,
(Мне даже стыдно перед миром),
Меня, проказник, ты сравнил
Чуть-чуть не с царственным Шекспиром²².

Алексею Толстому, естественно, хотелось увидеть свою пьесу на сцене. Он представил «Царя Федора Иоанновича» в цензуру. Казалось, пьесе посчастливилось: на том заседании, где происходило ее обсуждение, председательствовал ее горячий поклонник — Феофил Матвеевич Толстой. Как у председателя, у него было два голоса, но, к великому изумлению автора, оба голоса он подал п р о т и в пьесы и горячо настаивал на ее запрещении, утверждая, что она подрывает престиж монархической власти! Пьесу запретили. Разгневанный автор высмеял Феофила Толстого в ядовитых стихах, из которых мы знаем лишь две строки:

О, будь ты мене голосист,
Но боле сам с собой согласен.

Здесь высказана самая суть психического склада Феофила Толстого: он, действительно, почти никогда не был согласен с собою, со своим собственным мнением. В свое оправдание он написал драматургу большое письмо, где объяснял ему, что в качестве литератора он, Феофил Толстой, в восторге от его замечательной пьесы, но в качестве цензора считал себя вынужденным наложить на нее запрещение. Алексей Толстой ответил ему с добродушным презрением:

Как государственный орел,
Ты лишь двуглав, а не двуличен²³.

Такая двойственность мнений и чувств была присуща Феофилу Толстому на всем протяжении его литературной работы.

С одной стороны, он был обскурант, охранитель крепостнического строя. Ввел его в литературу Фаддей Булгарин, и он в течение долгого времени был сотрудником булгаринской «Северной Пчелы»²⁴. В этой полуофициальной газете он поместил, между прочим, свой патетический плач над гробом Николая I, где в самый разгар севастопольской катастрофы писал, что этот «чадолюбивый монарх возвел Россию на высшую степень славы и благоденствия», что он — «достолавный преемник Петра» и что, «если, взывая к России, спросить: любил ли почивший государь своих подданных? — вся Россия сольется в один восторженный благодарственный, утвердительный клик»²⁵.

В качестве булгаринского публициста и критика он в свое время преследовал произведения писателей натуральной школы — Некрасова, Тургенева за их «простонародную» тематику. Разбирая оперу Глинки об Иване Сусанине, он особенно хвалил ее за то, что в ней Сусанин не говорит по-крестьянски: «К счастью, в то время, когда М. И. Глинка писал дивную свою оперу, учение реалистов не было еще в большом ходу, а то, чего доброго, и его уговорили бы заставить Сусанина выражаться по-мужицки и говорить: «таперича», «эного», «мужик он ражий»²⁶.

Встречая в повестях и стихах деревенскую речь, Феофил Толстой в своих статьях называл ее «мужицкой», «кучерской» и «кабацкой» и требовал, чтобы современная ему беллетристика изображала только «высшее общество», — или, как он выражался, общество «порядочных людей».

Вскоре после того, как Александра Осиповна Смирнова ввела в свою гостиную Писемского, и Писемский, артистически воспроизводивший крестьянскую речь, стал читать у нее свои народные очерки, к ней, по рассказу Анненкова, явился возмущенный Ростислав и стал выговаривать ей, что она ввела Писемского «в хорошее общество». «И что она потворствует разврату в литературе, по которому уже Писемскому дают 120 рублей серебром за лист. Это ужасно! И что смотрит начальство!»

Когда наступили 60-е годы, Феофил Толстой в той же самой «Северной Пчеле» принялся сражаться с «нигилистами». В 1863 г., когда Чернышевский был узником Петропавловской крепости, Ростислав выступил против его только что напечатанного романа «Что делать?», заявляя, что это произведение безнравственное, «безобразное

и по мысли и по исполнению» и что нет такой «порядочной женщины», которая решилась бы прочесть этот роман, ибо его автор, по словам Ростислава, «вводит читательниц в среду пьяных женщин, уличных потаскушек и всякого отребья рода человеческого» и «с видимым наслаждением погружается в отвратительную грязь». Эта мракобесная инсинуация заканчивалась в истинно болгаринском стиле — подсчетом того гонорара, который был уплачен Некрасовым автору романа «Что делать?»²⁷.

Одновременно с этим Феофил Толстой написал и попытался поставить на сцене столь же клеветническую пьесу «Нигилисты в домашнем быту (из романа г. Чернышевского „Что делать?“)». В этом пасквиле он изобразил нигилистов такими чудовищами, что даже царская цензура (испугавшись скандала) запретила ее постановку²⁸.

Конечно, «Современник» Некрасова не мог не дать сурового отпора многочисленным антинигилистическим выходкам Феофила Толстого. В начале того же 1863 г., в первой книге журнала, появилась статья Щедрина (за подписью Н. Гурия), где введен некий «любезный старик», в котором нетрудно узнать «Феофилку», ибо, по словам Щедрина, этот «любезный старик» когда-то подписывал в «Северной Пчеле» и недавно послал в другую газету (такого же направления, что и болгаринский орган) статейку под названием «Нечто о нигилистах или новая проделка наших агитаторов». Статья Щедрина называлась «Московские письма». Она представляла собою рецензию на одну пьесу Феофила Толстого, шедшую в Малом театре. Комментаторы Щедрина не отметили, что и в предисловии к этой рецензии, где как будто говорится о другом человеке, Щедрин разоблачает и бичует того же Феофила Толстого как ничтожного канцеляриста-бюрократа, не имеющего ни малейшего права называться писателем. Даже Щедрину не всегда удавалось шельмовать своих врагов с такой сокрушительной силой²⁹.

Некрасов напечатал статью Щедрина в «Современнике» без всяких оговорок и смягчений. Можно не сомневаться, что он был с нею вполне солидарен. Что общего могло быть у Некрасова с этим публицистом болгаринской школы?

Но тут-то и обнаружилась величайшая странность: оказалось, что Феофила Толстого всю жизнь тянуло к этому враждебному лагерю, что он всячески стремился поладить и к Салтыкову-Щедрину и к Некрасову, писал им длинейшие письма, где нередко высказывал чувства «любви» и «привязанности». В тот же день, когда в некрасовском «Современнике» появилась убийственная для Феофила Толстого статья Щедрина, он написал Некрасову большое письмо, где, среди горьких упреков и жалоб, не преминул сообщить, что хотя в некрасовском журнале и ругают его, он все же, несмотря ни на что, любит поэзию Некрасова; что ему «прискорбно видеть упорное недоброжелательство» со стороны человека, к произведениям которого он, Феофил Толстой, «чувствует непреодолимое влечение». «Драгоценнейший для русского сердца из современных поэтов», — таково было его обращение к Некрасову в одном из писем 1869 г. И тут же выражал он восторг перед «чудными картинами» природы в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Иногда его восторг изливался в стихах: прочитав только что напечатанного «Дедушку Мазая и зайцев», он в одном из своих писем обратился к Некрасову с такими стихами:

Зайчики твои, Некрасов,
Лучше лакомых бекасов;
Читая их, я умилился —
И даже, ужас! прослезился!

К Щедрину у него были такие же чувства. По крайней мере уже после того, как Щедрин отозвался о нем в «Современнике» с таким уничтожающим презрением, Феофил Толстой писал Некрасову о великом сатирике: «знаменитый родоначальник изобличительной литературы — остроумнейший публицист; слово его прорезывает покровы общественной жизни, как алмаз режет стекло. Выводимые им типы схвачены верно и выставлены беспощадно на позор во всей наготе и во всем безобразии».

И тут же сравнивал Щедрина с Микель Анджело.

Конечно, Щедрин и Некрасов нимало не обольщались его дифирамбами. Для Щедрина он так и остался до конца своих дней «Феофилкой», а Некрасов, как видно из

публикуемых писем, даже не всегда отвечал ему на его назойливые письма и редко допускал его к себе. «Три раза был я у Вас, — читаем в одном из писем Феофила Толстого к Некрасову, — и каждый раз просил сказать Вам, что очень желательно с Вами повидаться. Но увы! Ни ответа, ни привета от Вас».

Этот влиятельный цензурный чиновник, гофмейстер двора его величества, очень хорошо понимал, что Некрасов — его политический враг. «Вы, — писал он Некрасову, — полный властелин демократического царства, именующегося „Отечественными Записками“». Он знал, что в этом демократическом царстве ему нет и не может быть места. И все же готов был вынести любые обиды, лишь бы удостоиться чести напечататься в некрасовском журнале. Ради этой чести он не брезгал ничем, и сам, не стесняясь, рассказывал о тех неблагоприятных путях, при помощи которых ему удавалось протискивать свои произведения в «Современник». Одну его повесть еще в начале 50-х годов принял в журнал слабовольный И. И. Панаев. Но повесть была до такой степени чужда направлению журнала, что редакция (очевидно, в лице Некрасова) отказалась печатать ее окончание. Тогда Феофил Толстой обратился с жалобой к начальству, к возглавлявшему цензуру попечителю учебного округа Мусину-Пушкину, и тот, по словам Феофила Толстого, сделал Панаеву такое внушение:

«В кои-то веки в вашем журнале появилась повесть, написанная порядочным человеком, в которой нет ни мужиков, ни кабаков. Все порядочные люди, и даже дамы <!> читают ее с удовольствием, а вы прекращаете ее на самом интересном месте. Чтобы в следующей книжке было бы напечатано продолжение!» »

После такого «разноса», как выражается Ф. М. Толстой, Панаеву, конечно, пришлось покориться. «Белоперчаточная повесть из великосветского быта» была напечатана при помощи административных воздействий на страницах передового журнала, в противовес «мужицким» стихотворениям Некрасова, тургеневским «Запискам охотника», рассказам и повестям Григоровича.

И прочие свои произведения Ф. Толстой, как мы ниже увидим, навязывал журналам Некрасова подобными же административными мерами, используя для этого и служебное свое положение, и свои бюрократические связи.

Но, спрашивается, отчего же ему, этому заядлому врагу «нигилистов», литературному крестнику Фаддея Булгарина, считавшему «порядочными людьми» главным образом «безличную сволочь салонов», отчего же ему так страстно хотелось участвовать в тех революционно-демократических органах, где к нему относились с таким откровенным презрением? Почему он так раболепно заискивал перед Щедриным и Некрасовым?

II

Все это и многое другое объясняется зыбкостью его социальной позиции. Он до конца своей жизни так и не нашел себе места ни в одной из тех общественных групп, где ему приходилось вращаться. Не нужно забывать, что при всей своей знатности, он принадлежал к числу обнищавших дворян, которых в тогдашней Российской империи с каждым годом становилось все больше. Кроме казенного жалования и скудной платы за газетные статьи, он, в сущности, не имел ничего.

Если бы в молодости он пошел по стопам своего удачливого брата Ивана Матвеевича и избрал дворцовую карьеру, жизнь его сложилась бы совсем по-другому. Иван Матвеевич, усердный служака, в конце концов получил от расположенных к нему императоров — и звание графа, и должность министра, и умер в безмятежном довольстве. А Феофила Матвеевича рано соблазнила другая карьера — влиятельного представителя прессы. Он сделал ставку не столько на благосклонность салонных друзей, сколько на «покровительство почтеннейшей публики», как любил он выражаться в своих мемуарных заметках. А так как «почтеннейшая публика» оценила его не слишком высоко, он должен был поддерживать свое существование мелкой литературной поденщиной, что, конечно, не могло не унижить его в глазах феодального круга, к которому он принадлежал по рождению. Пусть его статьи зачастую отражали в себе вкусы и воззрения этого круга, но уже то обстоятельство, что он писал свои статьи как пеховой журналист, делало его отщепенцем среди высокопоставленной знати.

Благодушный князь Б., приписавший Феофилу Толстому смехотворный псевдоним «Брандыхлыст», отчетливо выразил то высокомерное отношение к нему, с которым должны были относиться к его «свободной профессии» твердолобые представители сановного барства.

В глазах передовых литераторов он был царский чиновник, охранитель ненавистного строя, а в глазах царедворцев и вообще людей великосветского круга — изменник своему классу, чужак. Отсюда неустойчивость и противоречивая двойственность социального его поведения. Отсюда его частые измены себе самому. Оттого-то и могло произойти, что в качестве цензора запрещал он те самые книги, которые приводили его в восторг как писателя. Оттого-то в его сочинениях можно найти столько противоречивых высказываний об одном и том же предмете. Недаром А.С.Суворин в одном

ИЗДАНИЕ НА ТЕАТРАЛЬНОЙ УЛИЦЕ (В ПЕТЕРБУРГЕ), В КОТОРОМ С 1868 г. ПОМЕЩАЛОСЬ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

Первый подъезд от театра (справа) — канцелярия Главного управления, второй — главноуправляющего

Фотография 1910-х гг.

из своих фельетонов предложил заменить общепринятое изречение «непостоянен, как ветер» фразой: «непостоянен, как Ростислав».

Хуже всего было то, что Феофил Толстой никак не хотел примириться со своей неприкаянностью, с шаткостью своей социальной позиции. Он метался между обоими лагерями, стараясь угодить то одному, то другому, и так как не находил признания ни в одном, ни в другом, пытался поправить дело жалкими и явно безнадежными способами: чуть не во всякой своей статейке, по всякому случайному поводу, он громко рекламировал себя. Получив, например, частное письмо одного из видных ценителей музыки, полное любезных комплиментов, купленных ценою самой неумеренной лесть, он не задумался напечатать это частное письмо целиком в брошюре, посвященной творчеству М. И. Глинки²¹. Да и вся брошюра наполнена таким самохвальством, что, — как указал композитор Серов в одной из своих тогдашних рецензий, — автор пользуется именем Глинки лишь для того, чтобы «заставить толковать о себе, придать себе имя» и проч. «Заметьте, — продолжает Серов, — что Ростислав несколько раз извиняется, что он будто бы против воли принужден занимать публику

своею личностью, но <...> это не больше, как маска скромности. Из-под этой личины слишком ясно высказывается желание именно о себе-то и поговорить <...> вместе с именем М. И. Глинки выставить свой псевдоним...»³²

Как и всякий неудачник, он видел повсюду злобные козни врагов, которые, будто бы, нарочно замалчивают все его заслуги и достоинства. Именно в противовес этим козням он и возвеличивал себя самого в собственных газетно-журнальных статьях³³, и, хотя все эти заботы о славе приводили его к пущему бесславию, он даже не считал для себя унижением выпрашивать у рецензентов хвалебные отзывы. Когда, например, в Малом театре шла его драма «Пасынок», он не постеснялся обратиться к А. В. Дружинину с просьбой сказать о ней доброе слово в одной из газетных статей.

«Больно, — говорил он в письме, — что труды остаются незамеченными теми людьми, которые могли бы их оценить... А между тем здешние господа <то-есть> петербургские критики. — К. Ч.) ни гуту — как будто не их дело»³⁴.

От этих саморекламных хлопот еще больше росло всеобщее неуважение к нему. Даже в тоне его писем к одному и тому же лицу отражалась неустойчивость его душевного склада. Так, в своих письмах к Некрасову он то подобострастен, то дерзок, то игрив и развязен, то официален и чопорен.

III

Шаткость его мнений была так велика, что в 1859 г. он, поддавшись могучему влиянию эпохи, круто метнулся влево и даже написал оппозиционный роман («Болезни воли»), где как бы отрекся от своего вчерашнего дня. Читая этот роман, было трудно поверить, что он написан тем самым пером, которое столько лет находилось на службе у реакционного лагеря. Тогда же им была написана повесть «Ольга», где он подверг критике нравы того высшего света, которому служил столько лет.

Когда эти обличительные произведения вышли отдельным изданием (уже в конце 1866 г.), их, к удивлению многих, сочувственно приветствовал Д. И. Писарев. В двух книжках журнала «Дело» Писарев напечатал большую статью, где без обиняков заявил, что в произведениях Феофила Толстого сказались и «честная сознательная любовь к людям», и «верный взгляд на отношения людей». С особым сочувствием Писарев отнесся к той повести, о которой мы сейчас говорили, — за то, что в ней наглядно показаны развращенность, скудоумие, пошлость так называемой золотой молодежи. Еще более высокое мнение высказал критик о романе Феофила Толстого «Болезни воли». Такой роман, по убеждению Писарева, мог написать только «даровитый и мыслящий автор», ибо роман ударяет не по каким-нибудь случайным и легко устранимым частностям тогдашнего строя, а по самым главным его основаниям, выставляя на всеобщий позор ту неискоренимую лживость, которой проникнуты все отношения людей в буржуазно-крепостническом обществе. «Ложь губит Россию! Ложь опутала, как паутиной, все сословия!» — восклицает герой романа, правдолюбец Григорий Пронский, фанатичный враг лицемерия, убедившийся на собственной шкуре, что в тогдашних социальных условиях невозможно прожить ни единого дня, не прибегая к самой бессовестной лжи. Люди упрятывают смелого поборника правды в сумасшедший дом за решетку, ибо ни одному правдолюбцу нет и не может быть места в их лицемерном быту. Правда, автор пытается выдать эту вариацию герценовского «Доктора Крупова» за невинный психиатрический очерк, не имеющий отношения к политике, но Писарев дает ему свое толкование и для того, чтобы сильнее подчеркнуть политическую направленность романа, прибегает к такому намеку:

«Если бы, — говорит он, — сам Добролюбов прочитал „Болезни воли“, то легко может быть, что он по поводу этого романа написал бы одну из лучших своих критических статей».

А так как Добролюбов, анализируя произведения того или иного писателя, пользовался ими для пропаганды своих революционных идей о необходимости уничтожения современного строя, указание Писарева нельзя не понять в том смысле, что роман Феофила Толстого дал бы великому критику богатый материал для такой пропаганды. И когда Писарев, подводя итоги своей обширной статье, заключает, что этот роман есть «умное и добросовестно обдуманное произведение», это значит на его языке,

что оно заключает в себе достаточно сильный протест против тогдашней действительности³⁵.

«Болезни воли» произвели впечатление протеста не только на Д. И. Писарева. Много лет спустя Вера Фигнер в своей автобиографии писала, что этот роман сыграл немаловажную роль в ее революционном развитии³⁶.

Конечно, и Вера Фигнер, и Писарев истолковали это произведение по-своему, внеся в него немало таких чувств и мыслей, которые в нем отсутствуют. Но все же в литературной летописи 60-х годов останется тот примечательный факт, что даже цензор, даже охранитель основ крепостнической самодержавной империи, под могучим воздействием революционной ситуации тех лет, — пусть на самое короткое время, — отстранился от того, чему так долго служил, и заявил себя приверженцем тех самых идей, которые преследовал в течение всей своей жизни.

Характерно, что статья Писарева не встретила в тогдашней журналистике отклика. Слишком уж неприглядная была у Феофила Толстого репутация в литературных кругах. Только что выпущенный из каземата Петропавловской крепости, Писарев мог и не знать всех подробностей его литературной и служебной карьеры. Но в глазах рецензентов и критиков, более близко знакомых с общественной физиономией Феофила Толстого, эта деятельность была так одиозна, что даже те произведения, которые были столь сочувственно отмечены Писаревым, не изменили в передовой журналистике враждебного отношения к ней. По более позднему свидетельству Феофила Толстого, «пресса обошла повесть „Болезни воли“ презрительным молчанием, и, когда один из молодых критиков (т. е. Писарев) вздумал отозваться о ней благоприятно (<...>), его обзывали и подлецом, и изменником, и подкупленным предателем»³⁷.

Это последнее заявление, конечно, представляет собою сплошную фантастику. Хотя литературное влияние Писарева было в ту пору уже на ущербе, но его нравственный авторитет попрежнему стоял на такой высоте, что ему не могла повредить даже хвалебная статья о Феофиле Толстом. Но несомненно и то, что с этой статьей никак не могли согласиться читатели, которые хоть отдаленно представляли себе подлинную биографию Феофила Толстого. Во время писания статьи Писарев, разумеется, не знал, что в качестве цензора за год до этого автор «Болезней воли» в официальной бумаге объявил его крайне опасным писателем, в произведениях которого нельзя не увидеть зловредных «социалистических и коммунистических тенденций». Отзыв этот относится к 1-му тому собрания сочинений Д. И. Писарева. Гофмейстер Ф. М. Толстой предупреждал цензуру, что «если в последующих частях <своего собрания сочинений> автор (т. е. Писарев) продолжать будет проводить зловредные учения, то в совокупности это составит достаточный материал для арестования книги и для предания автора суду»³⁸.

Одной из характернейших черт 60-х годов явилось именно то обстоятельство, что в качестве охранителей престижа государственной власти возникли в большом изобилии такие двойственные, зыбкие, шаткие люди. Их можно было встретить во всех областях государственного управления той эпохи. С каждым годом теряя свой исторический смысл, полицейско-самодержавный режим все меньше привлекал к себе нелицеприятных и преданных слуг. Возникла особая порода чиновников, ретиво исполнявших свои служебные функции и в то же время вполне сознававших всю пошлость и бессмысленность своего поведения. В одной из тогдашних сатир Некрасов отметил, что даже те жандармы и гвардейцы, которые врывались с обыском в чужие квартиры для ареста государственных преступников, в своих откровенных беседах высказывали резко оппозиционные взгляды. Некрасов изобразил молодого «администратора» (т. е. жандарма), который, явившись ночью в квартиру к одному писателю, стал тут же щеголять перед ним своими либеральными взглядами:

Тогда беседа началась
О том, как многое у нас
Несовершенно; как далек
Тот возжеленный идеал,
Какого всякий бы желал
Родному краю: нет дорог,

В торговле плутни и застой,
С финансами хоть волком вой

и т. д., и т. д., и т. д. Это было массовым явлением в то время. По словам Некрасова, даже посадив человека в тюрьму, тюремщик охотно заводил с заключенным такие оппозиционные речи. Тот же литератор, уже очутившись в тюрьме, говорит в некрасовских стихах:

В мой скромный угол иногда
Являлся гость: дебош ночной **
Свершив, гвардейский офицер,
Любезный, статный, молодой
И либеральный свыше мер,
Два дня беседовал со мной.
Уйдет один, другой придет
И те же басенки плетет ⁴⁰...

У каждого из подобных людей их сознание находилось в противоречии с их действиями. Пускай их либерализм сводился к пустой болтовне, к «плетению басенок» — все же прежней цельности у них уже не было, так как не было твердой уверенности, что служат они правому делу. Одно мнение существовало у них для начальства, другое для самих себя.

Это двоедушие проникло даже в цензурное ведомство и, как мы ниже увидим, сильно помешало правительству в его борьбе с прогрессивной печатью.

Цензурные деятели предыдущего царствования — Бутурлины, Бируковы, Фрейганги ненавидели то, с чем боролись. А при Александре II появилась целая фаланга таких цензоров, которые, говоря фигурально, поклонялись тому, что сжигали, ибо многие из них сознавали, что, в сущности, они защищают обреченный на гибель и несправедливый режим. Это очень точно сформулировано в одном из новейших исследований, где по поводу самодержавия 50-х и 60-х годов говорится: «Его государственный аппарат не являлся в эту пору идейно и организационно целостным орудием власти, не был вполне верной и надежной опорой трону, которому служил. Элементы недовольства, критики и скептицизма, а рядом с этим бесприятийность, лживость перед начальством, склонность к коррупции всех видов и форм существовали во всех звеньях и прослойках царской бюрократии, свидетельствуя уже для этой эпохи о далеко зашедшем разложении исторически умирившего русского абсолютизма» ⁴¹.

Словом, многие из царских чиновников в государственном аппарате Александра II были в большей или меньшей степени «не согласны с собою», и в своих докладах и рапортах заявляли одно, а в частных разговорах — другое. Их ближайшим предком был цензор А. В. Никитенко, который, по словам современника, постоянно повторял в разговорах «все те же жалобы на свое положение, на раздвоенность этого положения», на «ненормальность существующего порядка вещей и обязанность служить этому порядку». Об известном дневнике Никитенко тот же мемуарист замечает, что там было много таких дерзких высказываний, которые, в качестве цензора, сам Никитенко «никогда не пропустил бы ни в какой книге» ⁴².

К началу шестидесятых годов количество таких «раздвоенных» цензоров увеличилось. Иные из них, как, например, цензор В. Н. Бекетов, не скрывали своих симпатий к радикальным писателям, произведения которых им приходилось черкать и кромсать. Другие, как, например, В. М. Лазаревский, циничный службист, презирали свое ремесло, называли его подлым и гнусным и все же дослуживались, благодаря ему, до высоких чинов и делались большими сановниками. Третьи, как Феофил Толстой, жаждали услужить с одной и другой стороне, — и «Отечественным Запискам» Некрасова и министру внутренних дел Тимашеву. Четвертые, как, например, Федор Еленев (Скалдин) совмещали писание правдивых и неприкрашенных очерков о бедственном положении народа после крестьянской реформы — с должностью чиновника царской цензуры. Но как бы ни были различны эти люди, их объединяло одно: служа самодержавно-полицейскому строю, они, наряду с этим, по разным причинам, вольно или невольно, содействовали тем сокрушительным силам, которые исподволь разрушали его.

Эта их двойственность была умело использована великим стратегом журнального дела Некрасовым в интересах революционно-демократического лагеря. Только теперь, когда опубликованы, наконец, материалы, осветившие его деловые отношения с некоторыми из руководителей царской цензуры, перед нами вскрывается, да и то далеко не вполне, его сложная и гибкая тактика по использованию агентов государственной власти для защиты созданных им демократических органов. Тактика эта в достаточной степени выяснена в той статье, которую мы выше процитировали. Имеющиеся у нас письмами Феофила Толстого к Некрасову, до сих пор не бывшими в печати, вполне подтверждаются основные тезисы этой статьи. Письма получены нами от покойного академика А.Ф. Коня. Очевидно, их было значительно больше, но

«КОМПОЗИТОР В ГОРЕ». КАРИКАТУРА НА Ф. М. ТОЛСТОГО

Рисунок Н. А. Степанова. «Музыкальный альбом», 1848 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

многие из них до нас не дошли. Однако и теми, что находятся в наших руках, устанавливается с достаточной ясностью, каков был характер услуг, оказывавшихся Феофилом Толстым журналистике левого лагеря, и какова была плата за эти услуги. Чтобы сделать Феофила Толстого своим тайным помощником, который, сам того не подозревая, служил бы интересам революционной печати, Некрасов умело использовал и его жажду литературной известности, и неустойчивость его убеждений, и отсутствие у него денежных средств, и его неутоленное тщеславие.

К находящимся у нас неизданным материалам мы привлекли те немногие письма Феофила Толстого к Некрасову, которые уже были опубликованы в «Архиве села Карабихи», но весьма неисправно. Эти письма печатаются по автографам рукописного отделения Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

IV

Первое упоминание о Феофиле Толстом в эпистолярном наследии Некрасова относится к 1856 г. Некрасов сообщал И. С. Тургеневу из Петербурга в Спасское:

«Видел в клубе Феофила Толстого, который болтал, что записки твои на-днях будут доложены государю, что их непременно дозволят»⁴³.

Дело шло о «Записках охотника» и о разрешении напечатать их отдельною книгою. Самое слово «болтал» показывает, как неуважительно относился Некрасов к информации Феофила Толстого да и к нему самому.

Еще сильнее это неуважение сказалось в 1863 г., когда Некрасов напечатал в своем «Современнике» ту язвительную статью Щедрина, о которой было сказано выше.

Статья появилась в первой (сдвоенной — №№ 1—2) книге журнала за 1863 г. под заглавием «Московские письма». В статье Щедрин описывал свои впечатления от пьесы Феофила Толстого «Пасынок», которая ставилась тогда в Малом театре. Печатью правого лагеря эта пьеса была оценена положительно ⁴⁴, — тем суровее отнесся к ней Щедрин.

«Совестно за пьесу, — писал он, — совестно за театр, совестно за автора, совестно за актеров, совестно за зрителей... Словно вдруг перенесся в дом умалишенных и слушаешь, как один из них уверяет, что он дух долины, а другой ему возражает: врешь, ты не дух долины, потому что я сын фараона!»

Кроме того, Щедрин указал, что трактуемый в пьесе юридический казус невозможен в реальной действительности.

Статья была подписана Н. Гуриным ⁴⁵, но, конечно, Феофилу Толстому было достоверно известно, что ее автор — Щедрин.

Прочитав эту статью, Феофил Толстой под свежим впечатлением отправил Некрасову такое письмо:

<1>

<Не раньше 5 февраля 1863 г.>

Злоба, зависть, невежество и недобросовестность — вот отличительные черты статьи, помещенной в «Современнике» за подписью какого-то Гурина. Что подобного рода голодные тараканы <могли> расплодиться в нашей журналистике — это понятно. Теснота, неоприятность, или вообще родовое русское неряшество — порождают всякого рода насекомых. Но непонятно, как может мало-мальски уважающая себя редакция не запастись, по крайней мере, персидским порошком, если из лени или из экономии она не хочет приступить к более энергическим средствам для истребления отвратительных паразитов.

Относиться недоброжелательно к людям чуждого нам кружка, пожалуй, еще можно, но взводить на них клевету и небылицы — не дозволено. Говорить, например, что автор непрошенно помогает правительству и усердно ему подслуживается, оттого что из пьесы его сочинения ярко выказывается несостоятельность негласного судопроизводства — просто бессовестно.

После этого и фанарь, освещающий улицу, непрошенно навязывает свои услуги прохожему. — После этого и обер-обличитель Щедрин ничто больше как полицейский чиновник.

Что какой-то Гурин, критикуя пьесу, все переврал и ничего не понял, тут нет ничего удивительного; от тараканьего его разума и ожидать более нельзя было; но неведением законов никто отываться не может. — Так, например, тупоумный рецензент говорит в выноске: «Мы недоумеваем и пр.». В чем же состоит его недоумение? В том, каким образом имение родовое, принадлежащее Бурцевой, вышедшей по смерти первого мужа за Оловяnnикова, может перейти по случаю политической смерти сына — ко внуку или к родному племяннику Бурцева — будь тот Оловяnnиков, или Серебряnnиков — это уж чистое невежество. В той же выноске рецензент удивляется, каким образом могли передать в пожизненное владение мужа родовое имение, тогда как у н и х (у кого у них? у них потомку, что пасынок Оловяnnикова — не сын его) был прямой наследник. Подобная передача делалась сплошь да рядом и при предшествовавшем царствовании — а с 1862 года право передачи в пожизненное владение, помимо прямого наследника, узаконено окончательно.

Я не стану опровергать всех нелепостей жалкого Вашего сотрудника, но укажу только на одно место, очевидно доказывающее как нелогичность его, так и недобросовестность.

Он говорит, что автор «Пасынка» есть вместе с тем автор двух повестей, из которых одна была напечатана в «Современнике», а другая произвела впечатление в «Русском Вестнике». Засим он утверждает, что публика и гноррует эти повести потому, что никто их не читал — и что все экземпляры «Современника» и «Русского Вестника», в которых они были напечатаны, затеряны... Во-первых, это явная ложь; а во-вторых, почему же он знает, что повесть, помещенная в «Русском Вестнике», произвела впечатление, если никто ее не читал. Горестно, почтеннейший Николай Алексеевич, что заползают в Ваш журнал подобные тараканы; честных врагов я не боюсь, это народ хороший, с ним и побороться весело, но отвратительно иметь дело с ядовитым шипением пресмыкающихся, которые вместо честного слова изрыгают на вас смердящую слюну. — Но что еще прискорбнее, это видеть упорное недоброжелательство со стороны человека, к произведениям которого чувствуешь непреодолимое влечение. — Если бы я издавал журнал, то Вы могли бы найти в нем нередко честную критику на многие из Ваших стихотворений, но уж, конечно, я не принял бы никогда статьи, направленной против Вашей личности и написанной желчью. Не желаю Вам испытать когда-либо неприятное это чувство.

Ф. Толстой

Две повести Феофила Толстого, которые упоминаются в этом письме, — 1) «Три возраста. Дневник, наблюдения и воспоминания музыканта-литератора» («Совр.», 1853, X—XII) и 2) «Болезни воли» («Русский Вестник», 1859, IX—X)⁴⁶.

Дата письма определяется датой выхода в свет той двойной книги «Современника», где напечатана статья Щедрина, — 5 февраля 1863 г.

Следующие два письма Феофила Толстого к Некрасову, имеющиеся в нашем собрании, относятся к 1866 г. Первое письмо, собственно записка, помечено в подлиннике «3 марта»:

<2>

<3 марта 1866 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Потрудитесь побывать у меня завтра, в пятницу в 12 часов; мне нужно сообщить Вам кое-что.

Ф. Толстой

3 марта

4 марта приходилось на пятницу в 1866 г., отсюда и наша датировка записки. Возможно, что она связана с вышедшей накануне третьей (мартовской) книжкой «Современника», в которой были напечатаны некрасовские «Песни о свободном слове».

Второе письмо относится к такому важному событию, как правительственное запрещение «Современника» по постановлению Комиссии кн. Гагарина.

Заведующий конторой журнала С. В. Звонарев, несомненно по инструкции Некрасова, обратился тогда к Ф. М. Толстому за советами и точными сведениями. После напрасных попыток защитить этот журнал в Комиссии, Феофил Толстой написал (должно быть по внушению Некрасова) министру внутренних дел П. А. Валуеву большое письмо, где говорил, что он «почитает священным долгом формально заявить» его превосходительству, что «вредное и предосудительное направление этого издания в настоящее время изменилось совершенно, что прекращение «Современника» вконец разоряет неповинное семейство Панаева и что статьи и набор каждого № стоят около 20 000 рублей», то-есть открыто выступил не обвинителем, но адвокатом Некрасова⁴⁷. Об этом он и сообщает Некрасову в печатаемом ниже письме.

<3>

3 июня 1866 г.

Все, что было возможно сделать для отвращения постигшего Вас несчастья, — было сделано. — Готовность Ваша покориться требованиям Совета — формально заявлена, на безупречное содержание 4 и 5-го №№ указано и даже заявлено, что «Совр<еменник>» не составляет исключительную Вашу собственность — и что прекращение издания повлечет за собой разорение наследников Панаева. — Но к сожалению — ничего нельзя было сделать!

Высочайшее повеление положительно прекращает издание, и даже нельзя было отстоять 5-ю книгу, в которой нет ни задоринки. — Удар нанесен Клубным Вашим приятелем*, в честь которого написаны стихи.

По моему мнению, Вы могли бы подать прошение на высочайшее имя, изложив Вашу готовность и пр. и пр. — но послужит ли это делу? — не знаю.

От души скорблю.

Ф. Т.

Хотя хлопоты Ф. М. Толстого не увенчались (да и не могли увенчаться) успехом, все же он проявил в этом деле немалую готовность услужить и помочь. Некрасов, видимо, не остался в долгу. Это мы заключаем из того, что на обложке и титуле тех двух томов «Сочинений» Ф. М. Толстого, о которых было сказано выше, имеется такая помета:

Издание С. В. Звонарева. СПб. 1866.

Типография К. Вульфа

Литейный проспект, № 60.

Заведывавший одно время конторой журнала «Современник» книгопродавец С. В. Звонарев, как известно, занимался издательской деятельностью под непосредственным руководством Некрасова и с его финансовой поддержкой. Без санкции поэта Звонарев вообще не издавал ничего. Это видно даже из публикуемых писем Феофила Толстого. По поводу одного романа протезируемого им автора, он пишет Некрасову: «Если Вы не желаете даже и того, чтобы роман печатался у Звонарева, то и это можно уладить иначе»⁴⁸.

Словом, за все свои хлопоты Ф. М. Толстой вскоре получил воздаяние.

К концу 1867 г. поэту удалось путем невероятных усилий осуществить почти невозможное в тогдашних условиях дело: воссоздать через год после закрытия «Современника» новую трибуну для революционно-демократической партии — взять в свои руки «Отеч. Зап.» Краевского. В интересах этого дела Некрасову понадобилось возобновить и закрепить все свои цензурные связи, — между прочим и с Феофилом Толстым. 23 декабря 1867 г., то-есть за несколько дней до выхода 1-й книжки своего нового журнала, он написал Ф. М. Толстому такое письмо:

«Вы совершенно правы, многоуважаемый Теофил Матвеевич, меня бы стоило обручать. Мне и должно и желательно и нужно побывать у Вас, что, наконец, и исполню ~~завтра~~ же часу в 1-м» и т. д.⁴⁹.

Письмо дружеское; в нем Некрасов выражает сожаление по поводу болезни Феофила Толстого, уверяет его, что смотрит на их отношения более как на товарищеские, чем официальные, и т. д. Иная тактика была в те времена невозможна, и едва ли хоть одна книжка «Отеч. Зап.» могла бы появиться в печати, если бы Некрасов не заводил с ненавистными ему цензорами подобных отношений и связей. Но, конечно, Феофилу Толстому, жаждавшему писательской деятельности, было недостаточно одних изъявлений признания. Ему требовалась более высокая плата: он хотел сотрудничать в журнале Некрасова. Некрасов был вынужден пригласить его в «Отеч. Зап.» в качестве музыкально-театрального критика. Ф. М. Толстой обязался за это всячески охранять

* М. Н. Муравьевым-Виленским.

новый журнал в Совете Главного управления по делам печати, а также ежемесячно подвергать его внутренней домашней цензуре, еще до напечатания книжки.

Возможно, что Некрасов посоветовал Феофилу Толстому принять на себя обязанности официально наблюдающего за «Отеч. Зап.» члена Совета (каждый журнал был прикреплен к определенному члену Совета), что должно было придавать его мнениям о журнале, заявленным на заседании, большую авторитетность. Однако, если судить по выступлениям Толстого в Совете, относящимся к 1868 г., создается впечатление, что защищать «Отеч. Зап.» он стал не сразу, а лишь с конца года, что, однако, могло быть конспиративным приемом для прикрытия установленной им неофициальной связи с редакцией некрасовского журнала⁵⁰.

К своим обязанностям в качестве домашнего цензора Ф. М. Толстой приступил тотчас же, что явствует из следующей его записки к Некрасову по поводу некрасовского стихотворения «Суд»:

⟨4⟩

⟨Декабрь 1867 г.⟩

Но тот блаженной, у кого
Родных нет ровню никого.

Два эти стиха, конечно, не цензурны, но они отзываются принципами того учения, за которое «Соврем⟨енник⟩» был запрещен: мне кажется, что следует, и в особенности на первых порах, не возбуждать подобного сближения.

⟨Без подписи⟩

В данном случае Ф. М. Толстой не угадал тогдашних установок начальства, ибо цензурными оказались не только две строки, приведенные в этом письме, но и все прочие стихи поэмы «Суд». Поэму пришлось вырезать из 1-й книги «Отеч. Зап.» за 1868 г.

Нет сомнения, что печатаемая нами записка Феофила Толстого — одна из очень многих такого же рода. Очевидно, он просматривал весь материал, предназначенный для первой и второй книг «Отеч. Зап.» за 1868 г. Это была большая работа, и вскоре он потребовал за нее добавочной «платы»: предложил напечатать в «Отечественных Записках» роман из великосветского быта «Недоразумение», сочиненный близким ему человеком и, кажется, даже родственником. Некрасов, очевидно, ответил ему (в недошедшем до нас письме), что роман не соответствует программе журнала, но что он все же условно принимает его и платит автору аванс в счет гонорара (об этом свидетельствует упоминание о возвращаемой Ф. Толстым расписке) и, сверх того, предлагает автору уплатить неустойку в случае ненапечатания романа в течение года, что, конечно, было замаскированной взяткой. Ф. М. Толстой ответил Некрасову следующим письмом:

⟨5⟩

⟨28 февраля 1868 г.⟩

Все понимаю и каждое побуждение умею ценить по достоинству!

Вы опасаетесь, чтобы от «Недоразумения» не повеяло аристократическим духом, несмотря на совершенное в нем отсутствие какой-либо тенденциозности по части б а р с т в а. — Вы желаете предварительно подтвердить укрепить возрожденные «Отечественные Записки» на основаниях бывшего «Современника», т. е. на демократических началах. — С Вашей стороны это совершенно рационально; только, по моему мнению, опасения Ваши напрасны. — Поэтически-описательная болтовня «Недоразумения», с примесью психического анализа, заинтересует, это не подлежит сомнению, с а л о н н у ю публику; но ведь с у т ь журнала в настоящее время не может ограничиться одною беллетристикою.

Те, которые интересуются легким чтением, волей-неволей просмотрят и прочие отделы журнала и таким образом ознакомятся, может быть, с новыми для них воззрениями.

Я твердо уверен, что у Вас нет и в помышлении проповедывать о необходимости какого-либо крутого переворота, но каждому из нас желательно,

чтобы совершилось наконец полное слияние между всеми образованными людьми возлюбленного нашего отечества, без различия каст и каких-либо званий. Вот почему желательно было бы видеть на страницах перерожденного журнала, хоть изредка и в беллетристической только части, отголосок и той партии, которая кажется Вам зараженной тлетворным духом замкнутой касты. Поверьте, что со временем все угловатости сгладятся и желаемое сближение состоится — если этому способствовать будут наши серьезные журнальные органы.

Прилагаю при сем расписку автора «Недоразумения», присовокупив, что он соглашается на предлагаемую Вами неустойку в случае ненапечатания романа его в течение сего года.

28 ф(евраля) 1868 г.

Весь Ваш Ф. Т.

Чрезвычайно характерна высказанная в этом письме уверенность Феофила Толстого, что у Некрасова нет и в помышлении (!) проповедывать необходимость какого-либо крутого поворота и что гармоническое слияние всех враждующих сословий, «каст и званий» является его заветной мечтой. Эта маниловская утопия о том, что в ближайшем же будущем классовая борьба прекратится и будет заменена идиллической дружбой крестьян с помещиками, рабочих с хозяевами, графов и князей с разночинцами, была очень распространена в либеральствующих бюрократических сферах. Цензура не раз предъявляла к Некрасову требования, чтобы он содействовал этому вождеденному слиянию сословий. В настоящем томе «Литературного Наследства» печатается письмо цензора П. Капниста к Некрасову, где он выражает ему свою радость по поводу того, что Некрасов в поэме «Русские женщины» способствует (!) примирению высшей аристократии с народом (!?) (см. выше).

Феофил Толстой до такой степени не понимал и не знал истинных убеждений Некрасова, что он, как мы видим, надеялся привлечь симпатии поэта к роману из жизни великосветских салонов именно этой утопией о дружественном слиянии враждующих классов!

Уже то, что Ф. М. Толстой счел возможным обращаться к Некрасову с такой аргументацией, свидетельствует, как плохо представляли себе подлинные убеждения поэта даже наиболее ответственные чиновники цензурного ведомства — непосредственные проводники литературной политики самодержавия. И, конечно, Некрасов не стремился к тому, чтобы правильно ориентировать их.

Повесть, о которой говорится в письме, была подписана псевдонимом Данкевич. В «Опыте словаря псевдонимов русских писателей» В. Карцова и М. Мазаева (СПб., 1891) указано, что Данкевич — это псевдоним Е. Толстого. Возможно, что этот псевдоним произошел от названия деревни Данковки, принадлежавшей многочисленным братьям и сестрам Феофила Толстого. В позднейшей рецензии на повесть Данкевича М. Е. Салтыков-Щедрин указал, что ее автор «впервые вступает на литературное поприще», и отрицательно отнесся к ее содержанию⁵¹. Очевидно, Некрасов в письме к Ф. Толстому продолжал утверждать, что она не соответствует программе «Отечественных Записок». Это вызвало в высшей степени агрессивную отповедь Феофила Толстого. В письме, которое мы печатаем ниже, он без всяких обиняков объявил, что «Отеч. Зап.» Некрасова — «вместилище грязных вод», и что «благовонная» великосветская повесть может хоть отчасти спасти их от грязи. В качестве одного из особенно «зловонных потоков» он указывал на прекрасный рассказ Г. И. Успенского «Остановка»⁵².

<6>

<6 июля 1868 г.>

Я держусь того мнения, что «Литература», в обширном значении слова, должна принимать в свои недра, на подобие океана, все возможные источники, реки и потоки.

Какого бы цвета, вкуса и запаха они ни были, притоки эти, сливаясь с чистыми, могучими, благотворными водами беспредельного океана, утрачивают первобытный свой характер и в общем и целом представляют

то величественное зрелище, пред которым каждый мыслящий смертный во веки веков будет приходить в восторг.

Что в море купаться,
Что Данта читать:
Стихи его тверды и полны,
Как моря упругие волны.

(Шевырев)

Но если литературу вообще можно уподобить океану, то подразделения ее (как-то изящная словесность и пр. и пр.) по справедливости можно называть бассейнами. — Вообразите себе, какое неприятное зрелище и зловонное вместе представит бассейн, в который беспрестанно будут вливаться грязные потоки из подземных клоаков!

Прочитывая произведения гг. Решетникова и Глеба Успенского, меня обуял страх! Я опасаясь, чтобы и Ваш журнальный бассейн не соделался бы вместилищем подземных, грязных вод. — Возьмем, например, очерк, озаглавленный «Остановка». — Неужели это можно назвать «изящной словесностью»? Что хотел воспроизвести талантливый автор? Грязь, неурядицу, тупоумие — и всякого рода мерзости русского общества. Разведите все это литературной водицей — и получите, конечно, грязные, мутные воды, которые придадут бассейну вовсе непривлекательный вид. Говорят, что самобичевание вещь полезная, что это полирует кровь. Может быть! — но самооплевание, во всяком случае, производит только отвращение и более ничего.

Про Гоголя Вы сказали весьма поэтично: «... и как любил он ненавидя». Но Успенский ни до любви, ни до ненависти недорос. — Гоголь бичевал любя, с улыбкой на устах; Успенский со злости плюется.

Поверьте, почтеннейший Николай Алексеевич, что пора освежить бассейн изящной словесности Вашего журнала чистою струею — иначе он загниет и будет издавать зловредный запах. — Оставьте для других отделов этнографические и другого рода изыскания, будьте строги к неурядицам, карайте пороки и больших и малых, но в отделе изящной словесности дайте вздохнуть, дайте душе и воображению хоть несколько окрылиться. Человек, хоть и млекопитающееся животное, но ведь он не пресмыкающееся. — Считать вшей на голове — право, дело не беллетриста, а физиолога или, пожалуй, этнографа.

Вот Ваш искренний совет человека с развитым изящным вкусом (Вы сами неоднократно признавали за мною это качество). Поверьте, что полезнее послушать совета подобного человека, чем людей, хоть и умных и может быть практичных, но лишенных художественного гвоздя в голове.

Ф. Т.

6 июля 1868 г.

Царское <Село>

Вот какие уроки «эстетики» приходилось выслушивать гениальному поэту, стоявшему во главе революционно-демократического отряда русской литературы, от мелкого писаки «Феофилки» лишь потому, что тот был чиновником цензурного ведомства!

Следующее письмо Феофила Толстого свидетельствует, что, хлопоча о Данкевиче, Ростислав не забывал и других своих родственников.

<7>

<17 июля 1868 г.>

Письмо это вручит Вам племянник мой Михаил Хитрово — молодой поэт, на произведения которого Вы обратили уже внимание прошлой зимой.

Примите его радушно и по достоинству.

Ваш Ф. Толстой

17-го июля 1868 г.

P.S. Когда же начнете печатать «Недоразумение»?

Следующее письмо Феофила Толстого посвящено анонимной статье М. Е. Салтыкова-Щедрина «Литература и общество» из цикла «Признаки времени» (в отд. изд. и в собр. соч. — «Литературное положение»), предназначенной к напечатанию в августовской книге «Отеч. Зап.» за 1868 г.

В этой статье говорилось о гонении на передовую печать после каракозовских дней, главным организатором которого был М. Н. Муравьев-Виленский («Вешатель»).

Вспоминая это недавнее прошлое, Щедрин, между прочим, писал: «Еще вчера он <литератор радикального лагеря> был чем-то вроде баловня фортуны, еще вчера около него теснился кружок людей, громко заявлявших о сочувствии, и вот достаточно одной минуты, чтобы поставить его в то нормальное одиночество, из которого, при известных условиях жизни, ему не надлежало и выходить. Эту минуту вы можете не только предугадать, но даже почти осязать. Она идет на вас в образе доносительно-прожорливой щуки, при виде которой, подобно брызгам, брызнут во все стороны резвящиеся вкупе пискари».

Нетрудно было догадаться, что образ прожорливой щуки был подсказан Щедрину деятельностью М. Н. Муравьева-Виленского, тем более, что в первоначальном тексте

енною	По Высочайшему повелѣнію, объявлен-	жизнь
встѣи	ному министру внутреннихъ дѣлъ предсѣ-	перато
даются	дателемъ комитета министровъ, 28-го ми-	теплук
взы-	нувшато мая, журналы «Современникъ»	спасен
и вы-	и «Русское Слово», вслѣдствіе доказан-	перато
	наго съ давняго времени вреднаго ихъ на-	себѣ в
пред-	правленія, прекращены.	столам
года,		ства в
въ по-		данник

СООБЩЕНИЕ О ЗАКРЫТИИ «СОВРЕМЕННОГО»

«Северная Почта» № 118 от 3/15 июня 1866 г.

статьи этот образ, как мы видим из письма Феофила Толстого, был обрисован еще более отчетливо.

Феофил Толстой в своем письме к Некрасову указывает, что намек на Муравьева слишком ясен и что нужно уничтожить или ослабить его. Следуя этому совету, редакция «Отеч. Зап.» вычеркнула какую-то часть текста, следовавшего за цитированной фразой, т. е. те строки, которые Ф. Толстой передает словами: «и сцена наполняется клянущимися, отплевывающимися и пр. и пр.». Таким образом, лишь из письма Феофила Толстого мы узнаем теперь о существовании этой купюры.

Другая купюра относилась к заключительному абзацу статьи. Там администраторы муравьевского типа и все их соратники именуются «ходячими крашеными гробами». Теперь выясняется, что у Щедрина было сказано: «ходячие крашенные гробы, величающие себя столпами мира»⁵³.

<8>

<4 августа 1868 г.>

Статья «Признаки времени», вышедшая без сомнения из-под пера знаменитого автора «Губер<нских> Очерков», — неминуемо должна будет подлежать обсуждению Совета, если она появится в настоящем ее виде.

Бестолковая, прожорливая щука, при виде которой брызгают во все стороны резвящиеся вкупе пискари и сцена наполняется клянущимися, отплевывающимися и пр. и пр., не может же быть «Весть» или подобные ей соглядатаи.

Надеюсь, что Вы не причисляете нас к разряду к р а ш е н ы х г р о б о в, величающих себя столпами мира, — но, тем не менее, я должен Вам сказать, что по н е в е ж е с т в у своему я нахожу тон статьи весьма зазорным.

Цель этой записки заключается в том, чтобы Вас предупредить.

Да не будет осуждения, что на Вас напали из-за угла. Как порешит Совет, я не знаю, но еще раз повторяю, что если статья появится без изменений, т. е. со щ у к а м и и пр<очим>, то заявить ее будет необходимо.

Ф.

4 ав<густа>

Характерно, что, ради конспирации, Феофил Толстой не подписывал полным именем тех своих писем, где он выступал как негласный советник Некрасова.

К этому времени ему стало известно, что М. Е. Салтыков-Щедрин намерен сильно сократить навязываемую «Отеч. Зап.» повесть, — и поспешил заявить свой протест, возвеличивая при этом и себя и свой эстетический вкус.

<9>

<7 августа 1868 г.>

Неужели Вы полагаете, что достаточно быть весьма умным человеком, для того, чтобы иметь вполне развитый художественный инстинкт, т. е. иметь, как говаривал Соллогуб, «художественный гвоздь в голове»?

Знаменитый родоначальник изобличительной литературы — остроумнейший публицист, слово его прорезывает покровы общественной жизни, как алмаз режет стекло. — Выводимые им типы схвачены верно и выставлены беспощадно на позор во всей наготы и во всем их безобразии. — Но на палитре Щедрина находятся только одни яркие краски, но нет тех нежных оттенков, которые необходимы для изображения женских типов. — Микель Анджело никогда не писал мадон, а Carlo Dolce почти исключительно упражнялся в этом жанре. От типов Щедрина разит или водкой или падчули, что, конечно, должно заглушать нежный запах *Violette de Parme* или *mousseline*. Вот почему я полагаю, что почтеннейший Ваш сотрудник, несмотря на пронизательнейший его ум и громадный талант п у б л и ц и с т а, не может безапелляционно резать, кромсать и колыми паче изменять произведение, написанное в чисто художественном духе, без малейшей примеси какой-либо политической или социальной тенденциозности.

«Н е д о р а з у м е н и е» (а не «Недоумение», как Вы пишете) по кисти принадлежит к разряду картин *à la Carlo Dolce*, а не Микель Анджело. — Впрочем, автор соглашается на с о к р а щ е н и я, но не иначе как под непосредственным его наблюдением. Для этого потрудитесь прислать оригинал, с отметкою предполагаемых с о к р а щ е н и й, и автор и Ваш почкорный слуга пересмотрим отметки и на полях заявим или протест или согласие.

Роман вполне окончен — и окончен удовлетворительно, т. е. с достаточно последовательностью; в конце недели я пришлю рукопись (оставших глав), но с условием возвратить мне ее для п е р е п и с к и, потому что я желаю оставить у себя подлинную рукопись и предоставить в печать к о п и ю. Ожидаю оригинал с отметками. — Вы можете доставить его в Главное управление, а я распоряжусь, чтобы его прислали ко мне.

Ваш Ф. Т.

7 а<вгуста>

Р. С. Постарайтесь изготовить ту часть рукописи, которую предназначаете к печати в 9-м №, к субботе утром и пришлите ее в управление, потому что курьер должен быть у меня по часовому поезду. С ним я отправлю о к о н ч а н и е р <укописи> к Вам.

НЕКРАСОВ

Фотография М. Тулинова, 1861 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

Характерно, что, приставая к Некрасову, как говорится, с ножом к горлу и, в сущности, принуждая его к печатанию «Недоразумения», Феофил Толстой в то же время уверяет поэта (а может быть и себя самого), будто отношения между ними совершенно свободные.

<10>

<8 августа 1868 г.>

Убедительно прошу Вас еще раз отбросить мысль, что я навязываю Вам рекомендуемый мною роман нового начинающего автора. — Если Ваши сторонники, т. е. литературный Ваш кружок, хоть мало-мальски не желает, чтобы это произведение печаталось на страницах «Отечественных Записок», то откажите прямо, откровенно и без малейшего зазрения. — Честью Вам клянусь, что это меня нисколько не обидит! — Уговаривая Вас напечатать означенный роман, я преследовал только давно взлежавшую мною мысль, а именно: слияние различных литературных элементов.

Мне хотелось влить в бурные, несколько красноватые волны Вашего журнала струю свежей беловатой водицы. — Я очень хорошо знаю, что «Недоразумение» — произведение далеко не образцовое, но в нем отражается какая-то задушевная, юношеская свежесть, которая, по моему мнению, не только не повредит, но даже освежит несколько мрачный и, признаться сказать, довольно безотрадный фон строгого Вашего журнала. — Следовательно, прошу Вас, не стесняйтесь и действуйте по крайнему Вашему разумению. — За сим, если Вы окончательно решитесь принять «Недоразумение», то я Вам откровенно объясню как причину, по которой я желал бы предпочтительно напечатать его в «От<ечественных> З<аписках>», а не в «Русском Вестнике», так и окончательные условия автора.

«Отечественные» Записки» издаваясь здесь, мы можем наблюдать за корректурой и с обоюдного согласия делать надлежащие поправки и сокращения, что весьма важно для начинающего автора.

За сим, вот неперемennные условия, на которых я передам Вам рекомендуемое мною произведение:

1-е. Печатание романа начнется с 10-й книжки и по возможности не слишком гомеопатическими приемами, потому что нет ничего досадней, как крайнее раздробление рассказа.

2-е. Сокращения и исправления, указанные г. Салтыковым до напечатания, прошу заявлять нам — и за сим присылать корректуру (третью, т. е. последнюю).

3-е. За часть, напечатанную уже в «Записках для Чтения», гонорарий не полагается, но взамен прошу, если возможно, приказать сделать триста (300) отдельных брошюрованных оттисков. — Кроме бумаги, это ничего не будет Вам стоить.

4-е. За ту часть романа, которая находится еще в рукописи, Вы уплатите по мере и окончании напечатания по пятидесяти рублей (50 р.) за печатанный лист.

Прошу Вас не замедлить обстоятельным и окончательным ответом на все вышеизложенные пункты, дабы я мог, не теряя времени, принять надлежащие меры для окончания этого дела.

Ф. Т.

8 августа

Как видно из письма, начало романа было уже напечатано в журнале «Записки для Чтения». То был эфемерный журнальчик, издававшийся литератором-предпринимателем К. В. Трубниковым при его же газете «Биржевые Ведомости». Окончание романа в ту пору не было еще дописано, так что судить обо всем произведении Некрасов не мог. Естественно, он не был расположен печатать этот враждебный направлению «Отеч. Зап.» роман. Но по соображениям тактического порядка Некрасов, для поддержания деловых отношений с Феофилом Толстым, затягивал дело, не давал определенного ответа и продолжал с величайшим терпением выдерживать атаки Феофила Толстого, которые становились всё яростнее. В сущности же, не могло быть и речи о том, чтобы «Отеч. Зап.» стали перепечатывать из мелких журнальчиков чуждые их направлению повести. Очевидно, 8 или 9 августа 1868 г. Некрасов уведомил Феофила Толстого, что он окончательно решил не печатать «Недоразумение» Данкевича.

Феофил Толстой ответил ему следующим письмом:

⟨11⟩

⟨После 9 августа 1868 г.⟩

Я хотел Вас предупредить, что в прошлом «Современном» обозрении» проскочили весьма неудачные фразы по поводу распоряжений княгини Гагариной, как-то: Испанские ветры, розовое масло и не хочу мараться в этой грязи и т. д.

Суть от этого не выигрывает, и от этого журнал получает колорит задорный, которого избегать следует.

Сожалею, что Вы отклоняете произведение, которое несравненно поэтичнее и обдуманнее, чем большинство печатаемых Вами «Решетниковых и Успенских». — Впрочем, о вкусах не спорят, и если «Недоразумение» (ныне совершенно оконченное и могу сказать блестяще и оконченное) Вам в тягость, то «я» пошлю его к г. Каткову.

Если Вам угодно повидаться со мною в Царском, то я живу в Малой улице, в доме Саженова и всегда готов принять Вас с удовольствием.

Ф. Т.

В первых строках этого письма заключается отклик на «Современные заметки» Н. А. Демерта, помещенные в июльской книге «Отеч. Зап.» за 1868 г. Заметки эти были направлены против кн. Е. В. Гагариной, жены Архангельского губернатора, которую усердно прославляли местные «Губернские ведомости» за ее показную благотворительность. В одном из номеров этого казенного органа было сказано, что «благодаря материальной и нежной заботливости ее сиятельства приняты благодетельные меры для устранения самых причин бедности <...> Гуманное и экономическое значение проекта ее сиятельства вероятно оценит каждый, кто не настолько эгоистичен, чтобы смотреть равнодушно на поднятие уровня благосостояния <!> рабочего класса». Между тем в Архангельской губернии в то время был страшный голод, и ее [сиятельство] принимала все меры, чтобы задуть частную инициативу [тех лиц, которые пытались помочь голодающим. Указывая на это, автор «Современных заметок» писал по поводу тех дифирамбов, которые расточались жене губернатора:

«Чтобы писать, как пишет редактор „Архангельских губернских ведомостей“, для этого необходимо предварительно перо обмакнуть в розовое масло, бумагу обмазать медом и засыпать фиалками. Но, чтобы не мараться, лучше это дело оставить совсем».

На эти-то «задорные» строки Н. А. Демерта и указывает Ф. М. Толстой в первой части своего письма.

К тому времени, очевидно, обнаружилось, что начало «Недоразумения», напечатанное в «Записках для Чтения», было навязано этому журналу Феофилом Толстым при помощи такого же маневра, какой он применял и по отношению к Некрасову. Очевидно, Некрасов в своем письме от 8 или 9 августа намекнул на эти неблагоприятные слухи, причем сослался на мнение своих ближайших товарищей (Щедрина и Елисеева).

Тогда Феофил Толстой, — как это всегда бывало с ним в таких случаях, — принял вид оскорбленной невинности и обратился с сердитым письмом — на этот раз не к Некрасову, а к владельцу «Отеч. Зап.» А. А. Краевскому, обвиняя Некрасова в нарушении редакторской этики, а М. Е. Салтыкова и Г. З. Елисеева — в нежелании пустить в свою среду чужака-конкурента (!) и прозрачно намекая, при этом, что ими якобы руководил в данном случае корыстный (!) расчет.

Но хотя Толстой адресовался к Краевскому, он, несомненно, знал, что письмо его прочтет и Некрасов. Из того обстоятельства, что это письмо обнаружено в архиве Некрасова, мы заключаем, что так и случилось: очевидно, Краевский тогда же передал его поэту, который и приобщил его к прочим письмам Феофила Толстого.

<12>

(После 9 августа 1868 г.)

Я ожидал, что сотрудники новой редакции «Отчестственных» Записок» окрысятся противу напечатания в их журнале произведения, лишенного всякой тенденциозности и не пропитанного грязным реализмом; но никак не ожидал, почитая их людьми честными, чтобы они снизошли до клеветы, для того, чтобы отделаться от произведения, не подходящего под их камертон.

На что это они намекают, говоря про «Биржевые Ведомости»? Неужели есть довольно подлые люди — для того, чтобы заподозрить меня в н а с и л и и?

Трубников наотрез отказался печатать продолжение романа, несмотря на условие, а разве я сделал какое-либо ему зло или даже прекратил мои с ним сношения? — Напротив, я постоянно старался быть ему полезным. — Что же касается до Некрасова, то я торжественно утверждаю, что я нисколько и не думал навязывать ему роман «Недоразумение» и признаюсь никак не могу себе объяснить, что могло послужить поводом к отмене объявленного уж мне и принятого мною решения не печатать роман в «Отчестственных» Записках».

Некрасов, как честный человек, должен Вам засвидетельствовать, что я совершенно хладнокровно принял это решение и тотчас предложил роман Каткову.

Тут произошло что-то для меня необъяснимое. Я получил однажды записку от Николая Алексеевича, в которой он меня уведомляет, что по изменившимся обстоятельствам он желает оставить роман за собою и в тот же день я получил самый приветливый ответ из Москвы. — Я послал подлинное письмо Каткова Некрасову, прося его убедительно не стесняться данным им обещанием и разрешить мне отправить рукопись в Москву, но Николай Алексеевич настоятельно потребовал оставить рукопись за ним. — Вот точное и правдивое сказание о ходе этого дела. Я понимаю, что кружок писателей, кормящихся «Отчестственными» Записк(ами)», не хочет допустить в свои ряды не одношерстного им писателя — это борьба за существование, но непонятно, что Некрасов не раскусил своих сотрудников и не догадался, прежде чем вступить со мной в переговоры, до какой крайности может дойти злоба этих людей.

После категорического письма Николая Алексеевича, изображающего такими мрачными красками могущие произойти последствия от напечатания в «Отчестственных» Записках» известного романа, мне остается только попросить немедленно возвратить рукопись и считать это дело поконченным.

Что же касается до задатка, то автор возвратит его при получении им денег от редакции, в которой напечатается роман.

Весь Ваш Ф. Т о л с т о й

Р. S. Письмо Некрасова возвращаю.

Очевидно, Некрасов, не желая ссориться с влиятельным цензором, попытался в специально написанном с этой целью письме смягчить причиненную тому неприятность. Это явствует из следующего ответа Феофила Толстого:

<13>

<После 9 августа 1868 г.>

Верю, что если бы дело вполне зависело от Вас лично, то ничего неприятного для моей личности не было бы, а потому, как мне ни горестна вся эта мрачная и с т о р и й к а, мои отношения лично к Вам не изменятся.

Рукопись я пошлю в Москву — и по получении ответа уведомлю Вас о последствиях.

Ф.

Следующее письмо Ф. Толстого связано с очередной, девятой, книгой «Отеч. Зап.» за 1868 г. Имея в виду предстоящее рассмотрение книги на заседании Совета Главного управления по делам печати и желая заранее узнать возможные результаты этого рассмотрения, Некрасов обратился к Феофилу Толстому с просьбой «высказать откровенно» его впечатления от книги. Опасения Некрасова имели достаточно оснований и, как мы увидим, в значительной мере оправдались.

Ф. Толстой признал эту книгу «вредной». Особенно опасной показалась ему щедринская сатира: очерк «Легковесные» (из цикла «Признаки времени» — без подписи) и два фельетона из цикла «Письма о провинции» (четвертое и пятое — за подписью: Н. Гурии). В этих трех статьях наступившая послекаракозовская эпоха характеризовалась как торжество «легковесных шлопаев», занявших все командные посты государственного управления в атмосфере усилившейся крепостнической реакции. Как совершенно правильно угадал Ф. М. Толстой, под «фразистыми каплунами» Щедрин разумел либеральствующих администраторов предыдущей эпохи (типа «Вилевых», т. е. подобных министру внутренних дел

П. А. Валуеву, который незадолго до того был уволен в отставку), под «историографами» — губернаторов прежнего времени и т. д.

Традиции «Современника» воскресли, по мнению Ф. М. Толстого, также и в статье А. М. Скабичевского «Русское недомыслие», где тургеневскому роману «Отцы и дети» было дано такое же толкование, какое на страницах «Современника» в 1862 г. давал ему критик М. А. Антонович. Ф. М. Толстой очень верно выражает в своем письме отношение цензурных властей к М. А. Антоновичу, называя его с т р а ш н о п а м я т н ы м: теперь нам известно, что, когда Некрасов хлопотал о реорганизации «Отеч. Зап.», ему было предъявлено требование не допускать в редакцию Антоновича и даже не печатать его статей. Но на смену «страшнопамятному» Антоновичу пришел Скабичевский, повторивший в своей статье те же упреки Тургеневу, с какими обращался к нему Антонович в своем знаменитом памфлете «Асмодей нашего времени».

Словом, в девятой книге Ф. М. Толстой не без злорадства нашел достаточно материала для характеристики «политической неблагонадежности» редакции «Отеч. Зап.». Прочитав эту девятую книгу, он решил на ближайшем же заседании Совета выступить с заявлением о том, что редакция «Отеч. Зап.» продолжает п р е с т у п н у ю деятельность «Современника», закрытого по распоряжению царя.

Об этом своем выступлении он и предупреждает Некрасова:

<14>

<8—10 сентября 1868 г.>

Пусть грозный наш сатирик причислит и меня к категории л е г к о в е с н ы х или пожалуй даже к категории ф о ф а н о в, но я все-таки по данному мною Вам обещанию обязан высказать откровенно впечатление, произведенное на меня 9 № «Отчестственных» Зап<исок>».

Получив только вчера вечером новую книжку, я еще не успел прочитать ее от доски до доски, но уже вкусил достаточно количество с о ч н о й этой пищи, дабы не сомневаться, что она изготовлена наилучшими В а т е л я м и* бывшего «Современника».

Достопочтеннейший сатирик Щедрин выступает в этом № во всеоружии прежней иносказательной и ядовитой своей речи, а С к а б и ч е в с к и й сильно отзывается с т р а ш н о п а м я т н ы м Антоновичем.

Статьи под заглавием «Легковесные» и «Письма из провинции» (очевидно, одного и того же пера) напоминают бывшую междустрочную подцензурную литературу, когда под именем Смокгольского барона и некоего Карла Ивановича подразывались совсем другие личности.

Не нужно большой проницательности, чтобы догадаться, что под эпитетом фразистые каплуны подразумеваются В и л я е в ы, сошедшие с политической арены, — и следов<ательно> «легковесные фофаны и губ<ернские> историографы» суть не что иное, как новейшие административные и политические деятели... Отговориться тем, что тут речь идет о пустозвонах б о м о н д а и всякого рода безвредных шелопаях невозможно — потому, что автор сам называет их «современными властителями наших дум» и приписывает им громадное, неотразимое, так сказать, значение, выражающееся реакционным восклицианием: п о д д а в а й! н а т я г и в а й! п о д б и р а й! Ведь не излеровские же шелопай придумали подобный л о з у н г? О подобной выходке пустоголовых и говорить бы не стоило. Следовательно желчный сатирик бьет именно на то, чтобы читатели уразумели, что все руководители общественного и государственного строя суть не что иное, как «легковесные и фофаны». — Подобное о б о б щ е н и е по меньшей мере несправедливо и, по моему крайнему уразумению, не совместно с достоинством политической прессы наших времен. — Как ни ограничено еще печатное слово, но все же закон

* Примеч. ред.: В а т е л ь — знаменитый французский повар XVIII в.

6-го апреля предоставляет право обсуждать и законоположения и правительственные распоряжения — и вследствие этого, не прибегая к иносказательным памфлетам, писатель может указать с пользой и на злоупотребления и на недостаток законоположений.

Я не предлагаю Вам сделать какое-либо изменение в статьях Щедрина-Гурина — это ни к чему не поведет — и не предлагаю Вам исключить их вовсе — так как это будет чувствительно издательскому Вашему сердцу; но я по долгу совести должен Вас предупредить, что статьи эти будут заявлены Совету и внесутся в п о с л у ж н о й с п и с о к Вашего журнала. Сколько я понимаю дело, это еще не подает повода к каким-либо карательным мероприятиям, но, вероятно, отсрочит на долгое время разрешение единоличной самостоятельной Вашей редакции.

Относительно статей Скабичевского скажу Вам, что эти статьи дельные, но преждевременны. Вы слишком поторопились. — Вам следовало бы упростить гражданское Ваше положение и доказать на деле, что основные принципы «Современника» были превратно истолкованы, и тогда уж приняться за р е а б и л и т а ц и ю новейших деятелей. Статья же «Русское недомыслие» сразу высоко подымает прежнее знамя «Современника», с п у щ е н н о е п о в ы с о ч а й ш е м у п о в е л е н и ю, и гордо и с п р е з р е н н о м отзывается о всех людях, не разделяющих воззрения людей, заподозренных в неблагонамеренности. — Повторяю, что это преждевременно и — в настоящем положении дела — блистательная диалектика возмужалого Антоновича, т. е. Скабичевского, поведет только к неблагоприятным для Вашего журнала заключениям.

Я высказал Вам свое воззрение, а там как угодно — и что бог даст!

⟨Без подписи⟩

В письме чувствуются следы озлобления, вызванного отказом Некрасова напечатать роман Данкевича. Отметим раньше всего указание Ф. Толстого на то, что, напечатав в своем журнале такое количество «ядовитых» статей, Некрасов уже не может рассчитывать на его поддержку в деле освобождения «Отеч. Зап.» от обременительной опеки Краевского. Зная, как упорно добивался Некрасов, чтобы ему разрешили единолично редактировать этот журнал, Феофил Толстой предупреждает его, что все его хлопоты по этому делу будут теперь безуспешны.

Как известно, Феофил Толстой не ограничился одними угрозами. На очередном заседании Совета (17 сентября 1868 г.) он сделал официальное заявление по поводу девятой книги, в котором обвинил журнал в «тесном союзе с прекращенным по высочайшему повелению „Современником“, т. е. раскрыл п о л и т и ч е с к о е направление нового некрасовского издания, определив его как орган революционной партии.

Должно быть, именно о таких поступках Феофила Толстого Щедрин говорил: «Феофилка гадит!», а Елисеев не без брезгливости повторял поговорку: «Бог не выдаст, Феофилка не съест!»

Доносительное выступление Ф. Толстого в Совете (оно повторяло в расширенном виде содержание вышеприведенного письма его к Некрасову) завершилось, однако, совсем не вытекавшими из него практическими предложениями.

В заключительной части своего заявления Ф. Толстой, в полном противоречии с только что сформулированными им обвинениями, предлагал «на этот раз ограничиться словесным внушением ответственному редактору, с объяснением ему вышеуказанных соображений». Более того, он закончил свое выступление [такими словами, призванными отвести от редакции им же занесенный удар: «Зная по опыту, как внимательны гг. Краевский и Некрасов к делаемым им указаниям наблюдающим членом, — я убежден, что означенное внушение принесет желаемый плод и удержит редакцию „Отеч. Зап.“ от дальнейших уклонений»⁵⁴.

Однако «дальнейшие уклонения» продолжались. Продолжалась и двурушническая деятельность Ф. Толстого.

Его следующее письмо целиком посвящено разбору «Старой помпадурши» Щедрина, предназначенной для напечатания в ноябрьской книге «Отеч. Зап.» за 1868 г. Щедринская сатира вновь привлекла неодобрительное внимание Ф. Толстого.

<15>

<8 ноября 1868 г.>

«Старая Помпадурша» погрешает тем, во - п е р в ы х, что это есть не что иное, как памфлет, написанный с целью осмеять, уязвить и опозорить личности, весьма хорошо известные в той местности, которую хотел описать автор (чуть ли не Рязанскую губер<нию>).

В о - в т о р ы х, юмористический рассказ этот тем более неудобен, что из числа лиц, опозоренных в нем, выставлены на показ два начальника

ДОМ НЕКРАСОВА В КАРАВИХЕ

Фотография А. В. Попова, 1935 г.

губернии, под смешным названием п о м п а д у р о в, и для того, чтобы было ясно как день, что это г у б е р н а т о р ы, а не какие-либо <другие> высокопоставленные и влиятельные губернские личности,—автор окружил их всеми губернаторскими атрибутами, как-то полицмейстером, чиновниками особых поручений и пр. и пр. и даже назвал Г у б е р н с к и м правлением место их служения.

Это заставляет меня предполагать, что ответственный редактор «Отечес<твенных> Записок» d e j u r e, т. е. по закону, не сообщил Вам сущность недавно сделанного по В<edomству> п<ечати> внушения всем редакторам периодических изданий.

Сущность этого внушения заключалась в приглашении гг. редакторов соблюдать в отзывах о высших административных лицах, поставленных во главе управления доверием Г<осударя> И<мператора>, крайнюю осмотрительность. — Нет сомнения, что к категории означенных лиц принадлежат губернаторы, так как они назначаются именными указами и боль-

шей частью (в особенности из военных) личною инициативою Е<го> В<е-
личества>.

Следов<ательно> рассказ «Старая Помпадурша» представляет двой-
ное нарушение: во - п е р в ы х, противу ст. 10-й IV отдела закона 5-го ап-
реля, равно как и противу 11-й ст<атьи> того же отдела, в которых ска-
зано между прочим, что виновные подвергаются таким-то взысканиям
(ст<атья> 10) за всякое оглашение такого обстоятельства, которое может
повредить чести, достоинству или доброму имени
должностного лица, а на стр<анице> 117 рассказа сказано, что второй пом-
падур был женат и имеет детей, следо<вательно> прелюбодействовал, имел
любовницу; а в 11-й ст<атье> указаны взыскания за всякий оскорбитель-
ный отзыв, заключающий в себе злословие или брань. (Кроме смешного
прозвища помпадур, на стр<анице> 115 сказано, что оба губернатора были
глупушки).

Во - в т о р ы х, напечатание подобного рассказа, после вышеупомяну-
того в н у ш е н и я, представляет явное уклонение от исполнения вы-
с<очайшей> воли.

Вследствие всего вышеуказанного я считаю долгом предупредить Вас,
что если рассказ «Старая Помпад<урша>» появится в настоящем виде
(а как можно его изменить — не мое дело указывать), то статья эта будет
представлена на обсуждение Совета, а что решит Совет — я не знаю.

<Без подписи>

8 ноября
1868 г.

Щедрин принял к сведению некоторые указания Феофила Толстого. Сверяя руко-
пись «Старой помпадурши» с текстом «Отеч. Зап.», мы видим, что на всем протяжении
рассказа сатириком тщательно убраны п р я м ы е намеки на то, что помпадур — губер-
натор и что дело происходило в Рязани.

Так, «Олег рязанский» заменен «князем Олегом» (стр. 109), и все должности окру-
жающих помпадура чиновников снижены до уездных масштабов: становой заменен
приказным, исправник — квартальным, а кое-где и подъячим, полицеймейстер — част-
ным приставом и проч. Вместо «глаза целого к р а я» — «глаза целого г о р о д а». Там, где в рукописи было сказано: «в губернии», — в журнале напечатано: «в команди-
ровке» и т. д. и т. п.

Однако Щедрин далеко не во всем последовал советам Феофила Толстого. На стр.
115 он оставил те слова, которые цензор предлагал ему устранить: «Помпадурша»
догадалась про старого «помпадура» и про нового, что «они оба — глупушки...»⁵⁴.

Следующие три письма Феофила Толстого посвящены его заметкам о музыке, кото-
рые Некрасов был вынужден помещать время от времени в «Отеч. Зап.». Они печата-
лись без подписи автора: в ноябре 1868 г. — «Русская опера», в декабре — «Музы-
кальное обозрение», в январе 1869 г. — «Петербургские театры». Нельзя сказать, чтобы
редакция журнала относилась с большим уважением к этим принудительным стать-
ям. Она сокращала и правила их, стараясь хоть немного вытравить из них тот специ-
фический дух, который был присущ фельетонным статьям Ростислава. Но, несмотря на
все ее усилия, статьи эти плохо вязались с общим тоном «Отеч. Зап.». Так, например, в
статье «Русская опера» Ф. М. Толстой по своей старой привычке рекламирует себя
самого, сообщая читателям, что в газете «Голос» «господин Ростислав» дал совершенно
верную оценку оперы Рихарда Вагнера «Лоэнгрин», а в «Музыкальном обозрении»,
рассуждая о трех артистках, исполнявших заглавную роль в оперетке «Прекрасная
Елена», отмечает с меланхолическим вздохом, что «тип русской кокетки еще не выра-
ботался, чему причиной сильная конкуренция на этом поприще иностранок — главным
образом француженок и немок»⁵⁵. Все это было в таком вопиющем противоречии с
традициями обоих журналов Некрасова, что только крайней необходимостью поддер-
жания деловых связей с влиятельным цензором можно объяснить появление столь
неподходящих статей на страницах «Отеч. Зап.». Некрасов переделывал и урезывал эти

статьи, пытаюсь придать им хотя бы нейтральный характер, что всякий раз вызывало бурные протесты со стороны Феофила Толстого, на которые, как явствует из публикуемых писем, Некрасов не обращал никакого внимания.

<16>

<Декабрь 1868 г.>

Кто-то поусердствовал над «Музыкальным обзорением» и поусердствовал, признаться сказать, весьма неудачно.

Так, например: исключена характеристика действия на непривычных слушателей крепчайшей, т. е. немецкой, музыки — отчего вся пикантность сравнения пропала. В характеристике немецкой Елены выкинута главная черта немецкой женщины: полнейшая бесперемонность глаз на глаз и ц и р л и х м а н и р л и х к е й т при людях.

Наконец, про болезнь Лукки пропущено: «непрощенные ласки нашего Мороз красный Нос» и след<овательно> ничего почти не сказано, тогда как в «Современных Заметках» указано для подробностей о болезни на «Музыкальное Обзорение».

Для чего это делается? Не могу понять: если для с о к р а щ е н и я ч и с л а с т р о к — то лучше это делать по взаимному соглашению — потому что автор многими строками может всегда пожертвовать — но никогда не исказит главного, т. е. самую суть.

Ныне же посягаты блески — и этим дело в конец изгажено — по необъяснимому капризу.

Я говорю это для Вашей же пользы — а по мне все равно.

Ф. Т.

Р. S. Я только успел пробежать «Обозрение» — увидим, что будет далее.

Следующие два письма вновь посвящены его жалобам на редакторское «самоступравство» Некрасова. В первом из них он, юродствуя, уничижительно пишет о себе в третьем лице как о малоизвестном и скромном «поставщике „Отеч. Зап.“ по отделу музыкальных обзоров».

<17>

<29 января 1869 г.>

Драгоценнейший для русского сердца из современных поэтов и многоуважаемый Николай Алексеевич!

П о с т а в щ и к «Отеч<ественных> Записок» по отделу музыкальных обзоров, не дерзая обратиться прямо к Вам, по случаю скромного его литературного положения и личной малоизвестности, просит меня изложить Вам нижеследующие, ш о п о т о м высказанные сетования.

По настоящее время он (т. е. обозреватель) поставил Вам три статьи. Первая прошла благополучно; вторая искажена совершенно и как будто с умыслом; в третьей сделаны исключения и вкралась такая о п е ч а т к а (оставленная без поправки вопреки Вашему обещанию), что нельзя понять мысль злополучного обозревателя (а именно, вместо «настало ве я н и е национальности», напечатано «настали в с я к и е национальности»).

П о с т а в щ и к Ваш поручил мне почтительнейше доложить Вам, что он поставлен в совершеннейший т у п и к сделанными в третьей статье исключениями. По его крайнему убеждению, в статьях, предназначенных для «Отеч<ественных> Записок», могут подлежать исключению только такого рода воззрения и фразы, которые прямо идут вразрез с основными принципами этого периодического издания. Так, например, следовало бы исключить, если бы сотруднику Вашему вздумалось бы восхвалять к р е

постничество или порицать выборное начало или утверждать, что только белая дворянская кость может производить на свет людей даровитых.

В Вашем журнале есть также тенденция, проявившаяся с некоторых пор, а именно: крайнее пренебрежение, доходящее почти до ненависти ко всему русскому, вероятно оправдываемое знаменитым Вашим изречением о Гоголе:

И как любил он — ненавидя.

Но это не есть основной принцип, а напускное и, надеюсь, преходящее воззрение, — а между тем по милости этого воззрения Вы исключили целую тираду в три полулистика, начинающуюся словами: «Пока русское общество в полном своем составе не проникнется до мозга костей чувством собственного национального достоинства, до тех пор русское искусство останется в принижении». Засим выпущено все описание, как несчастные наши хористы, прозубрив немецкого «Лоэнгрина», ходили повеся голову, и как они вострепнулись, услышав знакомые русские мелодии, и какую горячую овацию устроили они чеху Направнику на репетиции⁵⁷. Все это написано было не без умысла, но как наглядное доказательство, что действительно в некоторых слоях русского общества настало вновь веяние национальности.

Исключение это сделано, я полагаю, вследствие вышеупомянутого напускного воззрения и в таком случае имеется еще некоторый резон. Но, спрашивается, по какому поводу вычеркнуто (на стр. 22 рукописи) известие о том, что Берлиоз был выписан в Петербург изданием Елены Павловны⁵⁸ и что Даргомыжского кружок оказал ему самую утонченную, сочувственную внимательность? — Отчего (на стр. 29) исключено замечание о странном способе утешения Минина и далее о несообразности разглагольствования крестьян, в то время, как беззащитный незнакомец подвергается нападению разбойников.

Зачем исключено сказанное на счет ситуации в девичьем хоре 3-го действия (стр. 31) и пр. и пр.

Вы говорите, что «обозрение» — не повесть, а потому и нечего стесняться помарками. Но повесть можно скрасить и слогом, и описанием, и занимательнейшими похождениями, а здесь все дело в сгруппировании фактов, в умении распределить их, в кой-каких штрихах, придающих фактам некоторую рельефность.

Забудьте на минуту, что Вы — Юпитер Громовержец или полный властелин демократического царства, именуемого «Отчественными Записками», и поставьте себя на место малоизвестного писателя.

Как бы Вас покорило, если бы вздумалось кому-либо исключить из Вашей поэмы троекратно повторяемые одиннадцать стихов:

Роман сказал: помещику,

Демьян сказал: чиновнику и пр. и пр.

Стихи эти повторяются три раза: в экспозиции, во время драки и при встрече с попом. — Усердному вычеркивателю могло бы показаться это повторение излишним, а между тем это не что иное, как усиление аккорда и развитие гармонии, т. е. прием, употребляемый во всех художественных музыкальных произведениях, что необходимо и в поэме, так как поэтическая форма, известная под названием поэмы, есть нечто среднее между музыкой и словом. В поэме сочетается гармония звуков с смыслом; и если нечуткий человек выкинет из нее хоть одну строку, то он может, и не догадываясь о том, нарушить весь гармонический строй.

Весьма может быть, что с урочным реалистам покажется излишнею чудная картина на стр. 214 — «Мужики спросили попа — поп отвечал, чего же больше! скажут вероятно реалисты, а тут какие-то тучи повисли до земли, да с золотыми нитками развешены мотки». На их вкус — оно, пожалуй, что и излишне, да для нас-то, чутких людей, это уж крайне обидно было бы...

Вообще непонятно, как это есть люди, которые решаются обходиться так без церемонии с трудом, с мыслью и самым достоинством другого человека. А тут есть еще какие-то Разгуляевы, осмеливающиеся

ИЗДАНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ВОЛЬНОЙ ТИПОГРАФИИ.

ПИРЪ НА ВЕСЬ МІР

СОЧИНЕНІЕ

Н. НЕКРАСОВА.

(Глава изъ поэмъ «Кому на Руси жить хорошо», вырѣзанная изъ петербургской книжки «Отечественныхъ Записокъ» за 1876 г.; дополнена по рукописи автора).

цѣна 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1879.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

«Земля и Воля» № 4 — — — 25 коп.
 « » № 5 — — — 25 «
 Прибавленіе къ № 4 «З. и В.» — — — 10 «
 Листокъ «З. и В.» № 1 — — — 5 «
 « » № 2-3 — — — 10 «
 Записки м. ю. Палена (по поводу измѣненія подсудности дѣлъ о преступленіяхъ противъ должностныхъ лицъ). 1878 г. — — — 5 коп.
 Отчеты о засѣданіяхъ особ. прис. правит. сената по Большому процессу. 1878. (брошюрованные экземпляры). — — — 3 руб.
 Докладъ комисіи совѣта С.-И.-Б. Унзи по поводу Записки орд. проф. А. С. Фаминцова. 1879 г. 10 к.
 Рѣчь Петра Алексѣева 1878 г. — — — 5 к.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ.

«НАРОДНАЯ ВОЛЯ» № 3

И
ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЕ

КЪ РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ ОТЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ КАТОРЖНИКОВЪ.
 (второе изданіе.)

ВСКОРѢ ВЫЙДЕТЪ

«ОТЪ РЕАЛИСТОВЪ КЪ ОБЩЕСТВУ»

Петербургская Вольная Тип. 16 декабря 1879.

НЕЛЕГАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ПОЭМЫ «ПИР НА ВЕСЬ МІР», 1879 г.

Обложка книги (первая и последняя страницы)

Центральный исторический архив, Москва

провозглашать, что какие-то власть имущие лица употребляют во зло официальное свое положение для того чтобы навязывать журналистам свои произведения. — Да в западной журналистике и с грошевыми сотрудниками так бесцеремонно не обходятся, как у нас с людьми наторелыми!

Поставщик обзоров поручил мне поблагодарить Вас за своевременное уведомление о непотребности статьи к февральской книжке — впрочем, он не намеревался приступить к писанию, не получив от Вас нового формального заявления, что в статьях его не будут вычеркивать того, что нейдет прямо вразрез с основными (вышеизложенными) принципами издаваемого Вами журнала.

Весь Ваш Ф. Т.

29 янва<ря> 1869 г.

Некрасов, видимо, сразу же написал Ф. Толстому, и тот ответил на это неизвестное нам письмо:

<18>

<Февраль, 1869 г.>

Оказывается, что я решительно не умею выразить свою мысль — или Вы не хотите меня понять.

В статьях, представляемых в Ваш журнал, Вы имеете полное право вычеркивать то, что идет вразрез с основными принципами журнала, но я встаю только против произвольных исключений без о б о ю д н о г о с о г л а с и я.

Часто можно пожертвовать целыми страницами и крепко держаться за одно слово; и мне кажется, что когда автор под рукою, то подобное соглашение не представляет ни малейшего затруднения.

Я знаю, что Вы не нуждаетесь в моем писании, но зачем же нам расставаться, если так легко устроить дело ко взаимному соглашению. — О Даргомыжском писать теперь мне некогда, и я напоминаю Вам только, что не худо было бы, говоря о театрах, сказать несколько слов о понесенной утрате русским музыкальным миром ⁵⁹.

Во всяком случае, остаюсь душевно преданный и любящий Вас

Ф. Т.

Р. S. Кстати: куда девалась рукопись известного Вам романа? Звонарев брался печатать на свой страх и на известных условиях, на которые автор соглашался. — За чем же дело?

Но долго выдерживать один и тот же стиль в отношениях к людям он никогда не мог, именно в силу шаткости своей психологии, и в следующем же письме его укороженный и жалобный тон сменяется развязно-игривым.

<19>

<Начало лета 1869 г.>

Я не понимаю, «какая кошка пробежала между нами», любезнейший и драгоценнейший Николай Алексеевич!

Три раза был я у Вас — и каждый раз просил сказать Вам, что очень желательно с Вами повидаться. — Но увы! Ни ответа, ни привета нет от Вас!

Чем тебя я огорчила,
Ты скажи мне, ангел мой!

Я уже собирался положить эти стихи на новую музыку и препроводить к Вам вместо послания, но сообразил, что, вероятно, никто из Ваших сотрудников не занимается презренной музыкою и не сумеет пропеть гениального моего сочинения.

Вот зачем я так настойчиво посещал Вас. Помимо удовольствия повидаться с Вами и перекинуться словечком — другим, я хотел узнать, что такое приключилось с известной Вам рукописью.

Птенец мой беспокоится. Авторское его самолюбие жестоко страдает. Первый труд дорог авторскому сердцу, и жаль видеть огорчение (притом совершенно напрасное) молодого человека.

Куда же в самом деле могла деваться рукопись?

Звонарев хотел печатать ее на свой страх, след<овательно>, Вы ничем себя не компрометируете, — и наконец — если Вы не желаете даже и того, чтобы роман печатали у Звонарева, — то и это можно уладить иначе — след<овательно>, за чем же дело?

Ваш Ф. Толстой

Очевидно, после вторичного и окончательного отказа Некрасова напечатать повесть «Недоразумение» в «Отеч. Зап.» Ф. Толстой, вопреки своему заявлению, что он считает это дело «поконченным» (см. выше письмо 12), вновь обратился к Некрасову, прося его посодействовать напечатанию рукописи хотя бы у С. В. Звонарева. Не здесь ли объяснение развязно-приятельского тона, которым проникнуто это письмо?

Некрасов, по всем вероятностям, счел себя вынужденным согласиться на просьбу Феофила Толстого и даже предложил уплатить автору ту неустойку из собственных средств, которую предлагал раньше (см. письмо 5). Кроме того, он, видимо, выразил готовность взять на себя половинную долю расходов по изданию этой книги. Обо всем этом свидетельствует следующая недатированная записка Феофила Толстого:

<20>

<Начало лета 1869 г.>

Неустойку я почитаю излишней по изложенным причинам, никому при этом, равно и расходы пополам не могу принять на том же основании.

На прочее согласен. Подпись <?> и условия будут подписаны когда угодно.

<Без подписи>

1869 год оказался периодом наиболее близких деловых отношений Феофила Толстого с Некрасовым, когда он действительно мог притязать на некоторое благорасположение поэта, так как именно с этого времени окончательно сделался его послушным агентом по охране «Отеч. Зап.» от всяких цензурных нападений. Из месяца в месяц на всех заседаниях Совета он выступает защитником каждой книги журнала, в качестве официально приставленного к нему наблюдателя.

Когда, например, цензор Н. В. Лебедев возбудил вопрос о судебном преследовании октябрьской книги журнала, где Г. З. Елисеев в обширной статье требовал хотя бы частичного освобождения печати от цензурного гнета, Феофил Толстой заявил в своем отзыве:

«... Непоследовательные разглагольствования автора означенной статьи никакого вреда принести не могут»⁶⁰.

В 1869 г. он не только не повторяет своих прошлогодних указаний на преемственную связь обновленных «Отеч. Зап.» со страшными «Современником», но, напротив, указывает, вопреки очевидности, что связь эта уже порвалась: «В отзывах моих за прошлый год <...> я находил, что в „Отечественных Записках“ начинало в то время проглядывать тесное их родство с бывшим „Современником“. В текущем году сатирический тон <...> уступил место более сдержанному направлению»⁶¹.

Здесь было сознательное искажение истины, так как именно в 1869 г. «Отеч. Зап.» стали гораздо смелее в пропаганде революционных идей, — и можно не сомневаться, что это дезориентирующее власти показание в пользу журнала было дано Феофилом Толстым по внушению Некрасова и Щедрина.

С тем же неослабным усердием исполнял он в 1869 г. и обязанности домашнего цензора «Отеч. Зап.», просматривая корректуры каждой книги и заранее предупреждая редакцию о необходимости изъять или ослабить наиболее опасные места печатавшихся там произведений.

Возможно, что именно об октябрьской книге «Отеч. Зап.» за 1869 г. идет речь в следующем письме Феофила Толстого:

<21>

<17 сентября 1869? г.>

Драгоценнейший Николай Алексеевич!

Чудес совершать я не могу и рассмотреть в сию книгу в несколько часов не в состоянии.

К тому же сегодня день именинниц Веры и прочих, и я буду порхать. Впрочем, надеюсь, что все обойдется благополучно.

Ф. Т.

Так как Веры по православному календарю бывали именинницами 17 сентября, мы датируем письмо этим днем, оставляя годовую дату под вопросом.

Иногда для прикрытия своей двойной игры Ф. Толстой выступал в Совете с выпадами против той или иной слишком «задорной» статьи, напечатанной в «Отеч. Зап.», но тут же сообщал по секрету тем, против кого выступал: «Есть повод надеяться, что заявление мое не поведет к каким-либо карательным мерам».

При этом он старался услужить не только Некрасову и Щедрину, но и владельцу «Отеч. Зап.» А. А. Краевскому, который, отдав свой журнал в аренду революционно-демократической «партии», старался, по мере возможности, обезопасить его при помощи неофициальных сношений с влиятельными представителями охранительных ведомств, в том числе и с Феофилом Толстым.

За все эти немаловажные услуги Феофил Толстой получил возможность печатать свои заметки о музыке в двух наиболее влиятельных органах: в «Отеч. Зап.» и в газете А. А. Краевского «Голос»⁶².

Очевидно, типография А. А. Краевского, где печатались «Отеч. Зап.», стала посылать Феофилу Толстому отписки корректурных листов по мере накопления материала. Он внимательно прочитывал листы и сообщал Некрасову о каждой странице, которая могла вызвать неудовольствие цензурного ведомства. Прочтя, например, февральскую книгу «Отеч. Зап.» за 1870 г., он послал Некрасову такое письмо:

<22>

<Февраль 1870 г.>

Типография продолжает потчевать меня н а ч а л а м и б е з к о н ц а . Так читать и просматривать решительно нельзя. — Общего смысла не уследишь. — Вот и сегодня прислали окончание «Наших обществ<енных> дел», а начало я просматривал третьего дни. — Как тут упомянуть связь?!

Ваш сотрудник по части обществ<енных> дел человек умный, но уж больно задорный. На стр<анице> 371 он провозглашает, например: за то, что дашь оплеуху, всегда можно рассчитывать н а п о в ы ш е н и е и что получив затрепину по лысине, можно занимать какую хочешь должность, хоть п р е д в о д и т е л ь с к у ю . Скажите на милость, что же тут за прелесть? Ведь это вздор, который может только повредить серьезному журналу. Стоит ли рассчитывать на улыбку дюжины дураков!

Советую Вам перечитать внимательно статью о Герцене. — Тут столько с к р е ж е т а з у б о в н о г о и такое прозрачное поклоне-ние перед авторитетом великого человека, что навряд ли это пройдет даром «От<ечественным> Зап<искам>».

Прошу Вас возвратить мне помеченные карандашом листы, иначе мне придется все перечитывать от доски до доски, а Вы согласитесь, что это труд излишний.

Ф. Т.

В этом письме Толстой привлекает внимание Некрасова к двум местам ежемесячной хроники Демерта «Наши общественные дела», где под рубрикой «Судьи — драчуны и самодуры» было, между прочим, напечатано следующее: «оставаться на службе неудобно лишь тому из дерущихся, который получил пощечину, а тот, кто сам задает другим оплеухи, всегда может рассчитывать на повышение».

Против этой-то фразы и ополчился Ф. Толстой. Но Некрасов не принял во внимание его указаний: она полностью сохранилась в журнале⁶³.

Второе указание было более серьезно, — и редакция «Отеч. Зап.» не могла не считаться с ним. В той же общественной хронике Демерт попытался отметить недавнюю кончину Герцена. Либеральная и реакционно-охранительная печать откликнулась на это событие рядом статей, пытавшихся опорочить и снизить политическое значение великого революционера. Газеты изобразили его неплохим беллетристом, зря истратившим свое дарование на бесплодные революционные бредни. Против этих пошлых некрологов и выступил в своем февральском обозрении Демерт. Очевидно, вначале это вы-

сту пление было гораздо более резким, о чем свидетельствует типографская внешность статьи: страницы 375 и 376 напечатаны разгонистее, чем все остальные — в них сделаны какие-то купюры, должно быть те самые, на которые указывал Ф. Толстой в вышеприведенном письме. «Преклонение перед авторитетом великого человека» было очень густо затушевано; осталась лишь такая концовка: «Каждый мыслящий и не боящийся высказать правду человек очень хорошо знает, что покойный Герцен представляет собой не только замечательного беллетриста, но просто исторический факт, которого впоследствии обойти будет невозможно»⁶⁴.

В том же месяце Некрасов просил Феофила Толстого высказаться о знаменитом предисловии Бомарше к комедии «Безумный день или Женитьба Фигаро», которую

УЛИЦА ДЕРЕВНИ ВЕЖИ, БЫВШЕЙ МИСКОВСКОЙ ВОЛОСТИ
КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ, ГДЕ НАХОДИЛСЯ ДОМ «ДЕДУШКИ МАЗАЯ»

Справа место, где стоял дом

Фотография А. В. Попова, 1935 г.

редакция «Отеч. Зап.» намеревалась напечатать в новом переводе. Это предисловие вполне соответствовало направлению «Отеч. Зап.», тем более, что в нем заключались беспощадные выпады против цензоров и царедворцев.

Феофил Толстой решил вопрос о печатании предисловия в отрицательном смысле, причем попытался прикрыть свое цензурное veto в высшей степени лицемерными доводами: будто всякий читатель «Отеч. Зап.» был обязан читать по-французски и знать Бомарше наизусть!

<23>

<12 февраля 1870 г.>

По личному моему убеждению, в предисловии Бомарше нет ничего не только противного законоположениям 6-го Апр<еля>, но даже и древне-противоцензурного. В литературно-историческом отношении предисловие это, конечно, представляет некоторый интерес, но в чисто литературном, мне кажется, — никакого. Автор, комментирующий и восхваляющий собственное произведение, не может, по моему мнению, убедить в превосходстве своего творения. Это позволительно взбалмошному Ал<ександру> Дюма, но недостойно автора «Женитьбы

Фигаро». След<овательно> навряд ли полезно будет воспроизведение в настоящее время на русском языке означенного предисловия, написанного, как говорят французы, «argès» и объясняющие и оправдывающие <sic!> гениальное произведение, давно п о н я т о е всеми и каждым.

Впрочем, если Вы полагаете полезным напечатать в новом переводе комедию Бомарше, то для полноты издания предисловие это не излишне; но вот вопрос: своевременна ли подобная публикация? и уместна ли она будет при настоящих обстоятельствах и в Вашем журнале?

Я бы решил этот вопрос в отрицательном смысле, и вот по каким причинам.

В о - п е р в ы х: каждый русский читатель, мало-мальски образованный и знающий французский язык, знает «Женитьбу Фигаро» наизусть не хуже «Горя от ума» — и следовательно, в переводе не нуждается. — В о в т о р ы х: передать в точности, б е з и з м е н е н и й все тонкости речи Бомарше на русском языке — нет никакой возможности. — В - т р е т ь и х: немисливо выпустить что-либо из комедии, а между тем, при д е л и к а т н о м положении Вашего журнала, т и р а д а насчет цензуры навряд ли будет удобна.

Все это представляю я на Ваше благоусмотрение, — для меня же лично весь интерес сосредоточен теперь на продолжении п о э м ы «Кому в о л ь г о т н о жить на Руси».

Примите уверение в совершенном почтении и пр<еданности>

12 ф<евраля 1870 г.>

Ф. Толстой

Особенно много усилий пришлось потратить Феофилу Толстому для спасения октябрьской книги журнала за 1870 г., так как сам начальник Главного управления по делам печати свиты е. в. генерал-майор М. Р. Шидловский нашел в этой книге несколько «вредных» статей и вознамерился объявить «Отеч. Зап.» предостережение. По этому поводу Феофил Толстой писал Некрасову:

<24>

<23 октября 1870 г.>

Сегодня по представлению Ц<ензурного> Комитета, сделанному на основании г р о з н о г о т р е б о в а н и я известного Вам лица, будет решена участь 10 № «От<ечественных> Записок».

Вчера я проработал весь день, стараясь логически доказать несправедливость нареканий. — Что-то бог даст!

Заезжайте ко мне завтра, — но как честного человека п р о ш у В а с никому не говорить о настоящем извещении — ни Краевскому, ни Елисееву, ни Салтыкову.

Вы можете испортить все дело...

<Без подписи>

«Известное лицо» — М. Р. Шидловский. Дата письма устанавливается на основании того обстоятельства, что в Совете Главного управления по делам печати обсуждение десятой книги «Отеч. Зап.» за 1870 г. происходило 23 октября.

Можно верить Феофилу Толстому, что он действительно «проработал весь день», готовя защитительную речь.

Цензурный комитет счел особенно вредными четыре произведения, напечатанные в октябрьской книге: 1) «Очерки умственного развития нашего общества 1825—1860» А. М. Скабичевского, где в подзаголовке было указано, что в одной из дальнейших глав будет дана характеристика Герцена; 2) статью Н. К. Михайловского — «Вольтер-человек и Вольтер-мыслитель»; 3) «Соловьи», стихотворение Н. А. Некрасова и 4) «Наши общественные дела» Н. А. Демерта.

Этим-то четырем произведениям и посвятил Ф. Толстой свое выступление в Совете. По поводу некрасовских «Соловьев» он сказал, что «не находит решительно ничего

предосудительного» в них и что «ставить в вину поэту, что он приурочивает привольные рощицы, в которых нет для птиц ни сетей, ни силков, к таким идеальным местностям, в которых не было бы ни податей, ни рекрутчины,—значило бы налагать тяжелую руку на поэзию вообще»⁶⁵.

Про статью Михайловского выразился, что она «неуловима для судебного преследования», про статью Скабичевского — что она «не может служить поводом для предостережения» и т. д., и в заключение указал (опять-таки в интересах Некрасова), что направление журнала было бы гораздо умереннее <!>, если бы поэт был утвержден правительством в качестве ответственного редактора.

Как известно, Некрасов уже два с половиною года добивался именно этого утверждения.

В конце концов книга журнала была спасена.

Следующее письмо Феофила Толстого мы датируем 1871 г., так как оно написано по поводу стихотворения Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы», напечатанного в январской книге 1871 г.

<25>

<Январь 1871 г.>

Зайчики твои, Некрасов,
Лучше лакомых бекасов;
Читая их, я умилился —
И даже, ужас! прослезился!

Это может быть глупо, — но, увы! несмотря на постыдные мои старческие лета — я впечатлителен, как ребенок.

Малейшее проявление таланта, малейший запах поэзии подмывают меня как одного из Ваших зайчиков в водополье.

Может и невозможно то, что Вы рассказываете, но оторопелые Ваши зайчики так картинны, и добродушие дедушки Мазая — так трогательно, что я ощущаю непреодолимую потребность поблагодарить Вас от души.

Христос с Вами и да избавит он Вас от предостережений и других напастей.

<Без подписи>

Прошло несколько месяцев, и Ф. Толстой стал снова навязывать «Отеч. Зап.» чуждый им литературный материал: повесть «Светские люди» протежируемого им молодого автора Бутенева.

Как видно из печатаемого ниже письма, он начал с того, что заставил поэта выслушать несколько отрывков предлагаемой повести. Некрасов, особенно сильно нуждавшийся в то время в административной поддержке Ф. Толстого, был, очевидно, вынужден сказать о прочитанном несколько одобрительных слов и даже обещать, что он напечатает повесть в журнале. Вскоре после этого поэт уехал в Карабику (писать первую часть «Русских женщин») и там получил от Феофила Толстого такое письмо:

<26>

<14 июля 1871 г.>

Я поджидал Вас в наши б о л о т а около 15-го текущего месяца, но узнал от А. А. Краевского, что Вы не будете сюда прежде начала августа.

Это меня сильно сконфузило и вот почему.

Повесть, о которой я говорил Вам и из которой я прочел Вам несколько отрывков, заслуживших Ваше одобрение, приведена к концу, и молодой автор надеялся сдать ее в редакцию до 1-го августа. Я же со своей стороны, зная Вашу обязательность, заверил его, что Вы без малейшего препятствия, получив оконченную рукопись, не откажетесь уплатить ему вперед причитающийся гонорарий по расчету.

Вследствие этого заверения он <т. е. автор> предположил предпринять в начале августа весьма интересное путешествие во внутрь П е р с и и

при содействии и при руководстве одного из своих товарищей и приятелей, находящегося ныне в Тегеране при нашем посольстве.

Располагая значительными официальными сведениями по мало известной этой стране, вышеупомянутый приятель автора так хорошо ознакомит его с Персией, что наш молодой автор надеется написать об этом путешествии если не целую книгу, то по крайней мере ряд весьма интересных статей, которые, конечно, будут приняты редакцией «О<течественных> З<аписок>» с удовольствием.

Откладывать это путешествие было бы весьма прискорбно, потому что подобного случая в другой раз может и не представиться. Вот почему я решился обратиться к Вам с покорнейшей просьбой: не найдете ли Вы возможным поручить кому-либо выдать под мою расписку тысячу рублей авансу за предполагаемую к печати повесть. По приблизительному расчету повесть займет около 17 листов; предполагая, что к сокращению (на котором при свидании с Вами мы согласились) подойдут до трех листов — останется на чистоту 14, т. е. на сумму 1050.

Если Вы сделаете это одолжение для молодого моего протеже, то во всяком случае я ручаюсь Вам за исправность доставки рукописи, которую, по договору, желал бы вручить только лично Вам — по известным уже Вам соображениям.

Ручаюсь также, что продолжение повести не только не слабее, но значительно интереснее и лучше, чем читанные Вам отрывки.

С нетерпением ожидаю Вашего ответа.

Весь Ваш Ф. Толстой

14 июля

Царское Село

Адрес: в Царское Село, в Магазиновой улице, дом Долговой.

Не получая от Некрасова ответа, Ф. Толстой отправил в Карабаху второе письмо, где пытался привлечь сочувствие Некрасова к повести тем, что эта повесть имеет якобы демократический оттенок, вполне соответствующий <!> направлению «Отеч. Зап.».

<27>

[21 июля 1871 г.]

Неделю тому назад, я писал Вам, что известная Вам повесть окончена, и просил Вас изыскать способ препроводить тысячу руб., так как молодой автор намерен в начале августа предпринять весьма интересное путешествие в голодающую Персию, при условиях и при обстановке, которые в другой раз и не встретятся, возможно.

Письмо это я имел, впрочем, неосторожность поручить милейшему нашему Андрею Алекс., который, по свойственному ему себялюбию, мало обращает внимания на исполнение поручений даже и тех людей, которые постоянно оказывают ему всяческую предупредительность.

След<овательно>, весьма может быть, что письмо это и не дошло до Вас, потому что я убежден, что Вы человек другого закала — и не оставили бы моего письма без ответа.

Настоящее мое послание я посылаю прямо в Ярославль (в Карабаху) и ожидаю Вашего ответа.

Вы неоднократно убеждались на деле, что художественный чух и литературный такт развиты у меня как нельзя больше. — Вы это говорили мне неоднократно. — Так поверьте мне и на этот раз. — Повесть, которую Вы приняли «buona fida», только на веру, вышла действительно весьма удачна. — В ней мастерски очертаны такие личности, которые еще не появлялись в современной литературе.

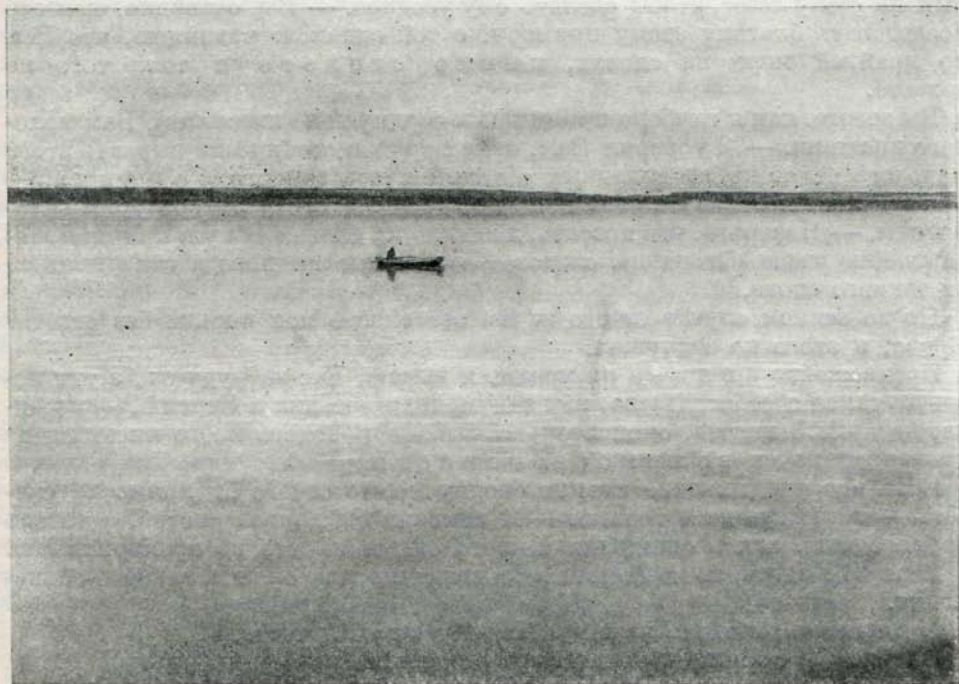
Это не те светские люди, которых выставял Сологуб, Панаев и tutti quanti. — Нет! — это люди нашего времени, т. е. люди, которые

в о л е ю н е в о л е ю окрасились демократической краснотой, как окрашивается кусок белой материи, полежавший долго в одном сундуке бок о бок с куском красной материи.

Самая суть, т. е. ўток материи, остается та же, но отлив другой.

Это придает большую п и к а н т н о с т ь этой повести. — Все эти люди чувствуют, что происходит что-то такое вокруг них, чего прежде не бывало.

Они не прочь потолковать о материях важных, не прочь умилиться пред несчастными, бедностью и необразованностью м е н ь ш е й б р а т и и, но первоначальный ўток остается все тот же, и при малейшем дуновении прежней светской жизни их так и относит в сторону. — Для этого доста-

ВОЛГА ПРОТИВ БАБАЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ. МЕСТА, УПОМЯНУТЫЕ
В СТИХОТВОРЕНИЯХ «НА ВОЛГЕ» И «ГОРЕ СТАРОГО НАУМА»

Фотография А. В. Попова, 1935 г.

точно смазливому, но непременно элегантному, личику, салонного сборища, страусовского вальса и тому подобного.

Для того чтобы описать это как следует, нужно было проникнуться до мозга костей духом салонной жизни — и разочароваться до глубины души, убедившись п у с т о ш ь ю подобной жизни.

К тому же в этой повести есть столько местного колорита, что невозможно сомневаться, что она написана здесь, а не в каком-нибудь Баден-Бадене.

Вследствие всего вышесказанного, я смело скажу, что Вы будете раскаиваться, если эта повесть не попадет в «Отчественные» Записки».

Ф. Толстой

21 июля

Адрес: в Царское Село, в Магазиной улице, дом Долговой.

На оба последние письма (от 14 и 21 июля) Некрасов ничего не ответил. Через несколько дней Ф. Толстой обратился к нему с новым письмом, где, в качестве нового довода в пользу печатания «Светских людей», указал на... необходимость вырвать их автора из холодных объятий пустозвонного бомонда, — как будто «Отеч. Зап.» издавались Некрасовым для такой благотворительной цели!

<28>

<27 июля 1871 г.>

Два письма мои Вы оставили без всякого ответа. — Из этого следует заключить, что Вы, почтеннейший Николай Алексеевич, человек одного закала с госп<оди>ном Вашим Андреем Первозванным⁶⁶. — Известно, что сей достойный муж и пальцем не шевельнет в пользу человека, который на стену лезет, чтобы сделать ему угодное. — Вы, очевидно, желаете последовать благому этому примеру, с той однакож разницею, что Вы, по крайней мере на словах, мягко стелете и тоже того не делаете.

Вы знаете, как я глубоко принимаю к сердцу дело известного Вам молодого писателя. — Я говорил Вам, каких трудов стоило мне вырвать этого молодого человека из холодных объятий пустозвонного б о м о н д а. — Мне удалось достигнуть этой цели поощрением его к литературным занятиям. — Поверьте, что повесть, которую на словах Вы уж приняли, несравненно выше «Огонька», следовательно, Вам нет повода отказываться от данного слова.

Но во всяком случае отчего ж Вы оставляете мои письма без ответа? Право, я этого не заслужил.

Предложение а в а н с а не может, я думаю, Вас затруднить, а тут подошло такое обстоятельство, как задуманная поездка в Персию, — поездка, которая, надеюсь, окончательно выбьет молодого моего писателя из противной колеи в е л и к о с в е т с к о с т и.

Если мое предложение Вам не сподручно, то отчего бы прямо не сказать — «не могу» да и только. — Я изыскал бы другой способ, а теперь время бежит, а я в ожидании Вашего ответа ничего не предпринимаю.

Если Вы здесь, то назначьте мне свидание для окончательного объяснения.

Сегодня я в городе и, пожалуй, останусь до 6¹/₂ часов.

Только бы с Вами повидаться и покончить на чем-нибудь.

Совет наш продолжится часов до 3¹/₂, а затем я к Вашим услугам.

Прошу ответа,

весь В<аш>

Ф. Толстой

27 июля⁶⁷

Свидание с Некрасовым, которого добивался в этом письме Ф. Толстой, не могло состояться, так как поэт все еще находился в деревне, где усиленно работал над «Русскими женщинами».

«Совет», о котором говорит в конце своего письма Ф. Толстой, — Совет Главного управления по делам печати.

За две недели до того, как было написано это письмо, с Феофилом Толстым произошло одно небольшое событие, которое, как потом оказалось, сыграло печальную роль в его служебной и литературной карьере.

Началось это событие с того, что тогдашний начальник Главного управления по делам печати Михаил Романович Шидловский уехал за границу в отпуск и, пока он не вернулся из отпуска, Ф. Толстой был поставлен во главе управления и, по его собственным словам, оказался «калифом на час». Конечно, издатель газеты «Голос» Краевский воспользовался этой временной властью своего ближайшего сотрудника и выхлопотал у него одну немаловажную льготу, которая в журнальных кругах

вызвала всеобщую зависть: благодаря Феофилу Толстому, газета «Голос» получила возможность печатать отчеты о происходившем тогда «печаевском деле» на целые сутки раньше, чем некоторые другие газеты, что, конечно, принесло Краевскому немалую прибыль. Эта привилегия до такой степени возмутила редактора «Биржевых Вестей» Трубникова, что он напечатал в своей газете передовую статью, открыто обличавшую Феофила Толстого в корыстном покровительстве «Голосу». «Пост г. Шидловского», — писал в этой статье Трубников, — заняла временно личность, в мире литературном довольно хорошо известная, в качестве сотрудника одной из петербургских ежедневных газет и еще более имевшая случаев приобрести известность в мире музыкальном под псевдонимом Ростислава...» Дальше, прикрываясь вопросительной формой, автор выступает против Ф. Толстого с таким обвинением: «Не перейдет ли желаемая общая близость известного лица к литературе в одностороннее покровительство которому-нибудь одному из ее органов <то есть «Голосу»> и удобно ли вообще в одно и то же время занимать пост управляющего делами печати и считаться сотрудником какой-либо газеты, то есть пользоваться от нее известными материальными благами?»⁶⁸.

Главное управление по делам печати тотчас же заставило редакцию «Биржевых Вестей» напечатать официальное опровержение этой статьи Трубникова⁶⁹. Но тот не уговорился и на другой день выступил с новой передовицей (столь же обширных размеров), где полностью поддерживал свое обвинение «в кумовстве канцелярии <Главного управления по делам печати> с редактором известной газеты»⁷⁰.

Таким образом, вокруг имени Феофила Толстого разыгрался громкий скандал, и в скандал этот по его же вине оказалось втянутым и то учреждение, которое было временно доверено его руководству. Можно себе представить, как велика была ярость Шидловского, когда до него дошли сведения, что возглавлявшееся им учреждение, в его отсутствие, было скомпрометировано Ф. Толстым.

И, как нарочно, эта шумиха возникла в то самое время, когда Ф. Толстой, пользуясь служебным своим положением, собирался опять совершить точно такой же поступок: навязать Некрасову «Светских людей». Впрочем, разоблачения Трубникова несколько не остановили Ф. Толстого. В самый разгар скандала он, как явствует из печатаемого ниже письма, настаивал на скорейшем напечатании «принудительной» повести. Но, конечно, разоблачения Трубникова побудили его к сугубой осторожности. Все письмо проникнуто боязнью, как бы кто не проведал о том, что он, Феофил Толстой, имеет касательство к напечатанию повести Бутенева.

<29>

<14 августа 1871 г.>

Путешественник мой отправился 7-го августа в Персию наблюдать за гогодающими благодатного, но неблагоустроенного этого царства.

К пятистам рубл^{ям}, выданным Звонаревым, я снабдил его заимообразно таковою же суммою — на это не раскутишься.

Для соблюдения строгого инкогнито — деньги у Звонарева получены под расписку приятеля г. Бутенева.

Рукопись вполне оконченная находится у меня, и я вручу Вам ее из рук в руки. — Так как она переписана довольно четко, то Вы можете прочитать ее и означить карандашом те места, которые признаете необходимым искл^{ючить} вовсе или сократить. Только, ради бога, не доверяйте этого дела никому постороннему, испортят ни за грош! Положитесь на мое артистическое чутье и политический такт. Повторяю, что по тенденциям повесть эта подходит под программу «От<ечественных> Зап<исок>». В ней нет только ничего возмутительно грубого, вроде «многострадательных» <sic!> Никитина, но пустота так называемых светских людей заклеимена беспощадно⁷¹. По обоюдному между мною и Вами соглашению, мы сократим то, что будет подлежать сокращению, не снимая колорита — и засим предоставьте наблюдение за корректурами кому угодно, — но с непременно-

ным условием: исправлять только орфографические опечатки и более ничего.

Корректур отнюдь ко мне не присылать, иначе в типографии тотчас протрубят об этом.

О многом нужно было бы с Вами переговорить, и я очень рад буду, если Вы сдержите обещание и приедете в Царское в понедельник; но в таком случае уведомьте телеграммою, в котором часу Вас ожидать, дабы я находился у себя дома.

Если желаете, я вышлю Вам карету — на всякий случай вот обстоятельный мой адрес: Магази́нная улица, дом Долговой, третий дом по правую руку от Госпита́льной.

Единственная дача в улице с палисадником.

До свидания — ожидаю телеграмму.

Ф. Толстой

14 августа

Конечно, «Феофи́лка» и прежде старался сохранять в тайне литературные взятки, которые он вымогал от редакции «Отеч. Зап.». Даже расписываясь в получении гонорара за свои собственные статейки о музыке, он отмечал, что гонорар предназначен для какого-то другого лица. Одна из подобных расписок находится в нашем собрании:

«Девяносто четыре рубля за статью, помещенную в Ноябрьской книжке Отечественных Записок под названием Русская опера приняты мною для доставления автору. Ф. Толстой. 17-го октября».

Но теперь, после разоблачительных статей Трубникова, он удвоил свою осторожность и принял меры, чтобы даже типография не заподозрила его особой заинтересованности в напечатании повести «Светские люди».

Характерно, что, вымогая у Некрасова и Краевского литературные взятки, навязывая им свои и чужие писания, которые они печатали лишь потому, что он был представителем власти, ведя политику двурушника, он пытался убедить и себя и других, при помощи всевозможных софизмов, что он — человек неподкупный, бескорыстно и даже самоотверженно служащий интересам родного слова.

«Должен признаться, что в литературном деле я разыгрываю роль Дон-Кихота», — писал он Краевскому в 1869 г.⁷²

Теперь это «дон-кихотство» было выведено Трубниковым на чистую воду. Правда, Краевский сделал было слабую попытку, защищая свою газету от нападков «Биржевых Ведомостей», выгородить и Феофила Толстого: в ближайшем же номере «Голоса», в отделе столичной хроники один из фельетонистов газеты высмеял неудачника Трубникова, — причем, неизвестно на каком основании, сравнил его с нимфой Калипсо, державшей в плену Одиссея, — и в заключение прибавил двусмысленную и очень невнятную фразу: «Быть может именно тому обстоятельству, что ныне <...> пост начальника управления по делам печати временно занимает лицо, само потрудившееся на литературном поприще, русская печать обязана заботливостью об интересах газетных редакций»⁷³...

Это возражение не отвечало на главный вопрос: почему же «заботливость» Феофила Толстого простиралась только на те из газетных редакций, где он получал гонорар?

Под влиянием всех этих пертурбаций, неудач и обид, связанных с разоблачениями Трубникова, Ф. Толстой написал Некрасову большое письмо, полное упреков и жалоб:

<30>

<23 августа 1871 г.>

Странную, как подумаешь, представляю я аномалию, или, вернее сказать, уродство в среде современного человечества!.. Люди, меня окружающие, заклятые эгоисты, а я из кожи лезу, чтобы угодить всем и каждому. — Из-за интересов родного печатного слова, я навлекаю на себя неприятности по службе: провожу ночи за чтением корректур, вовсе мне не

подлежащих, и стою горой за пишущую братию. И что же? Вдруг из-за угла бросается мне под ноги ш а в к а - Т р у б н и к о в и лает на всю Россию, что я, из лицепрятия, из корыстных видов, злоупотребляю временно вверенной мне властью и следов<ательно> поступаю бесчестно. Трубников категорически утверждает, что оставить во главе управления печати человека, близкого к делам литературным, — в р е д н о!! И что же? повторяю я — литературный наш мир, которому очень хорошо известно, надо полагать, что я человек неподкупный и готовый всегда служить литературному делу, — оставляет нахальный поступок Трубникова без возражений. — Один только Андрей Первозванный

Девятый сентябрь 1884 г.
 Да отпуща милостию,
 в Моск. Моск. О. П. —
 под рукою в. о. О. П. —
 Кривошеина Иван Иванович.
 автор. *J. T. Tolstoy*

17го октября

РАСПИСКА Ф. ТОЛСТОГО В ПОЛУЧЕНИИ ДЕНЕГ ЗА СТАТЬЮ, ПОМЕЩЕННУЮ
 В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ».
 Собрание К. И. Чуковского, Москва

напускает слегка на «Бир<жевые> Вед<омости>» одного из своих фельетонистов и отделяется шуточками, в которых упоминает о Calypso...

Прочие же журналисты молчат и даже не удивляются, что «за оглашение позорящих обстоятельств для должностного лица», проступка, усмотренного (639 ст.) уложением о наказаниях, Трубников не привлечен к ответственности. — Скажи кто-либо про деятельность генерала Ш<идловско-го> хоть половину того, что Трубников сказал про меня, да его в бараний рог согнули бы. Одного этого обстоятельства достаточно, казалось бы, чтобы привлечь ко мне сочувствие литературного нашего мира и доказать, что влиятельное участие в делах Главного управления человека, близкого к литературе, полезно, а не вредно, как утверждает Трубников. — Спрашивается: что же помешало журналистам нашим категорически опровергнуть ложь, клевету и дикое суждение Трубникова об интересующем всю литературу вопросе? Я вам скажу, что. Опасение, чтобы не осудили

журналистов в заискивании и в потворстве пред лицом, властью имущим. По этой же причине во времена оны набросились на Писарева за то, что он обратил внимание на мои повести, тогда как он чистосердечно признавал пользу психиатрических исследований при народившемся у нас гласном суде. — По этой же причине Ваши рецензенты не говорят обо мне ни слова, а пишут целые страницы в восхваление притонного писателя Глеба Успенского. Пьеса моя «Пасынок» унижается здешнею пресою до мерзости — тогда как она обходит все театры всероссийские — не только губернские, но и уездные *. Я печатно протестую противу искажения заглавий и противу произвольных наименований авторов (антрепренеры для пущей важности выставляют на афишах то имя графа Толстого — автора «Князя Серебряного», то имя Потехина), и наши журналы отмалчиваются и не обращают ни малейшего внимания на мои протесты. — Я печатаю в «Русской Старине» живые страницы из посмертных, можно сказать, моих записок, в которых, как в зеркале отражаются Глинкинская и Брюлловская эпохи. — В Москве читают эти «Записки» громогласно даже в клубах, а здесь (в журналах) о них ни гугу, за исключением ревунa Стасова, который руководил всею противу меня интригою во времена оны — и теперь, разумеется, обругал и меня и мои воспоминания. — Казалось: мне бы плюнуть и отвернуться при виде столь постоянного и упорного недоброжелательства, а я продолжаю усердствовать, потому что литература составляет плоть и кровь паскудного моего существа.

Давно я должен был бы убедиться, что люди, меня окружающие, отъявленные эгоисты — а я все надеюсь, авось и для меня что-нибудь да сделают.

Можете ли Вы, например, цитировать хоть один случай отказа с моей стороны? Не исполнял ли я постоянно Ваших желаний? А между тем Вы знаете, как я интересуюсь рукописью доставленной мною Вам повести. Вы знаете, как я дорожу Вашими воззрениями с точки зрения художественности и, несмотря на это, Вы не можете собраться с силами, чтобы прочесть необъемистую повесть и сказать мне откровенно Ваше о ней мнение.

Дело, кажется, не головоломное. В Вашу уgodу я читал сотни корректур, читал их к сроку, по ночам и с сугубым вниманием, взвешивая каждое слово. Тут же Вам можно было бы не спеша и без малейшей неприятности удовлетворить мое желание. — Вы возразите, может быть, что Вам предстоит просмотреть корректуры повести.

Но мы условились, в о - п е р в ы х, что поправки и исключения должны быть сделаны в р у к о п и с и — след<овательно>, при наборе оставался бы, так сказать, только механический труд, т. е. выправка опечаток, что можете Вы доверить любому корректору. А, во - в т о р ы х: неужели я не заслужил, чтобы Вы сделали что-либо в личную уgodу мне??!

Читая мои каракули, Вы будете проклинать меня, я знаю — но уж такова моя натура.

Если я не в ы л ь ю с ь, то неудовольствие ляжет мне камнем на душу, а теперь ничего.

Я высказался и за сим остаюсь все тот же любящий Вас и преданный Вам

Ф. Т.

23 авг<уста> 1871

Царское Село

* Последняя афиша 23 июля 1871. Коломенская труппа актеров под управлением Г. Львова (без имени Автора, тогда как пьеса напечатана с полным моим именем).
 <Примечание Ф. М. Толстого>.

Словом, этот небескорыстный чиновник цензурного ведомства и в самом деле ощущал себя праведником, страдающим за свои добродетели.

В заключительной части письма вновь говорится о повести «Светские люди», рукопись которой Некрасов, как видно из ламентаций Феофила Толстого, еще не прочел.

Из следующего письма, написанного неделю спустя, мы убеждаемся, что поэт, в силу неизвестных нам причин, согласился напечатать в своем журнале навязанное ему Ф. Толстым произведение, «даже не познакомившись с ним основательно». Для того, чтобы привлечь к этому салонному произведению симпатии демократического читателя 70-х годов, Ф. Толстой предложил Некрасову свой проект небольшого предисловия к роману. Ниже мы воспроизводим этот в высшей степени наивный проект, которым Некрасов, конечно, не воспользовался.

Статья Скабичевского, о которой идет речь в письме, в свое время так и не увидела света. Статья эта представляла собой главу обширного труда, печатавшегося под заглавием «Очерки умственного развития нашего общества» во многих книжках «Отеч. Записок». Глава была посвящена Герцену. Несмотря на то, что Феофил Толстой считал возможным напечатать эту главу, она была вырезана цензурой, впоследствии погубила отдельное издание названного труда Скабичевского и лишь много позднее могла быть напечатана им.

(31)

(1 сентября 1871 г.)

Я давно послал к Евгению Александровичу корректуру статьи Скабичевского и объяснительное письмо. — Удивляюсь, что он Вам ничего не сообщил.

Не зная, что Вы возвратились, я сегодня же спрашивал у него (по почте), сообщил ли он Вам для надлежащего сведения нашу переписку.

Дело в том, что Шидловский уверяет, что он никому никаких указаний насчет статьи не делал и что во всяком случае арестует книжку, если в ней будет хотя одна строка, лично принадлежащая перу государственного преступника.

Вот его слова. Что касается до меня, то я нахожу возможным напечатать статью с исключением в 5 форме выписки из Герцена и с исключением окончания, где упоминается о Герцене, как о политическом деятеле.

Это прискорбно, но необходимо.

При соблюдении мною указанного — книжку нельзя будет арестовать, потому что отдача под суд немыслима, а если Шидловский потребует предостережения, то это докажет только справедливость поговорки: «Ндраву моему не препятствуй».

Напрасно называете Вы предыдущие мои письма строгими словами. Это нечто иное, как ворчанье старика, сетующего на людскую несправедливость. — Я жалею о отношении — несправедливое по моему мнению всей вообще журналистики ко мне, — но Вам лично, т. е. редактору «Отечественных Записок», продолжателю покойного «Современника», и поступать иначе нельзя. Это я сознаю.

Если Вы решатесь печатать «Светские люди», не ознакомившись с повестью основательно, пусть будет так. По крайнему моему убеждению, повесть эта не может повредить «Отечественным Запискам».

Но не признаете ли Вы полезным объяснить, по какому случаю печатаете в Вашем журнале повесть, трактующую о действиях бомонда нашего.

Я по этому случаю набросал несколько мыслей, которые предоставляю на Ваше благоусмотрение.

Дружески пожимаю Вам руку

Ф. Т.

1 сентября

<Проект предисловия к повести
«Светские люди»>

В последнее время повести и романы из быта высшего сословия вышли у нас из моды. Причиною тому отчасти бесцветность той среды, которую величают великосветским обществом, и, главное, распространение образованности и просвещения в средних слоях нашего общества.

Число писателей, принадлежащих к средним слоям, увеличиваясь с каждым годом более и более, окончательно взяло перевес, и так как для изображения описываемой среды необходимо близкое с ней знакомство, то большая часть появляющихся ныне беллетристических произведений благоразумно обходят описания высшего круга нашего общества.

Мы недоумевали, печатать ли предлагаемую повесть «Светские люди». Появление ее в «Отечественных Записках» не принято ли будет за анахронизм? Но вдумавшись в содержание повести, мы решились ее напечатать и по следующим соображениям.

Во-первых, молодой автор этой повести, очевидно, коротко знаком с нравами, с обычаями, с приемами, с языком и обстановкой описываемого им кружка, что составляет уже неотъемлемое достоинство для беллетристического произведения. Во-вторых, он относится объективно и без малейшего пристрастия к «светским людям», выведенным им в рассказе, и, в-третьих, он сочувственно и сознательно относится в повести к эпизодическим личностям из простонародья и к средним классам. Следовательно, предлагаемая повесть не имеет той узкой односторонности, которою отличались прежние рассказы бытописателей нашего бомонда, и выказывает между прочим их professio попытки этого кружка осмыслить жизнь и при-
дать ей более серьезное значение в виду совершающегося поступательного движения русской мысли.

Перед тем как напечатать повесть «Светские люди», Некрасов прочитал ее в гранках и вычеркнул кое-какие места. Это вызвало следующие возражения со стороны Феофила Толстого:

<32>

<Сентябрь — октябрь 1871 г.>

Ссориться я с Вами не хочу, да и Вам, кажется, не следовало бы ссориться со мной. — Уступить я вынужден обстоятельствам, но остаюсь при своем мнении и не вижу тех ужасов, которые Вы усматриваете в бракуемой Вами сцене.

По крайней мере, сделайте связь как следует.

Вы исключили болтовню или балагурство ямщиков и оставили следующую фразу: «Обдумывая слова ямщика, Колосович» и пр.

Потом вдруг речь идет ни с того ни с сего (после черты): «Теплицы Громова», тогда как ни читатель, ни Колосович не знают, что катанье назначено в этих теплицах.

Я, конечно, доверяю Вашему вкусу в поэтических произведениях, но доверяю также и собственному своему ч у т ь ю, так к<ак> исписал сотни стр<аниц> прозы и перечитал в подлиннике всю Фран<цузскую>, Английскую, немецк<ую> и Итальянскую беллетристику.

Повторяю — делайте что угодно.

Р. S. Ничего еще не знаю насчет нашего дела, но отрешение мое от наблюдения уже послал.

Постскриптум к этому письму означает, что, во избежание дальнейших кривотолков, связанных с разоблачениями Трубникова, Феофил Толстой (быть может, по совету Некрасова) обратился к начальнику цензурного ведомства с просьбой освободить его от официального наблюдения за «Отеч. Зап.».

Конечно, это заявление было чистейшей формальностью. Никто не помешал бы Феофилу Толстому продолжать свою тайную службу в качестве домашнего цензора того же журнала. Но дело обернулось куда хуже.

Началось с того, что 11 октября 1871 г. в Министерстве внутренних дел было получено секретное письмо шефа жандармов и начальника Третьего отделения Н. В. Мезенцова о восьмой (то-есть августовской) книге «Отеч. Зап.», где была напечатана статья эмигранта Варфоломея Зайцева «Очерки французской журналистики», восхваляющая «известных французских деятелей Демулена, Робеспьера и Дантона, а также Французскую революцию 1789 г.»⁷⁴. Узнав об этом секретном письме (по всей вероятности, от В. М. Лазаревского), Некрасов обратился за помощью к Феофилу Толстому, причем, видимо, подсказал ему и те аргументы, которые он мог бы привести в защиту «злонамеренной» статьи.

Толстой выполнил инструкции Некрасова.

<33>

<Октябрь 1871 г.>

Я написал М<инистру>⁷⁵ подробное обстоятельное письмо, в котором изложены все обстоятельства почти в том же смысле, как они изложены Вами, даже присоединил к моему письму В а ш е п и с ь м о, объяснив, что секретов в нашем Ведомстве быть не может, так как всякое слово и каждая мысль, выражаемые по делам печати, затрагивают интересы интеллигенции и всей России.

Примером не секретности я указал на то, что газеты разгласили уже о запрещении пьесы Дюма.

В заключение я прошу как особую для меня милость отменить постановление большинства. Ответа еще не имею.

Что же касается до корректуры, то я вовсе с Вами не согласен.

Фальши тут нет никакой, да если бы и была, то беда не велика, и мало ли фальши, гораздо крупнейшей, появлялось в беллетристических произведениях, помещаемых на страницах «О<течественных> Записок».

Колосович в этой сцене вовсе не смешон, — а это, напротив, глубокая психологическая черта. — Неужели Вы не знаете, что от всепоглощающей назойливой мысли человек может как бы одуреть и что в таком случае иногда решается расспрашивать об интересующем его предмете не только умного ямщика, но даже малого ребенка.

Плохие Вы психологи, господа — как подумаешь!

Впрочем, что бы Вы ни сокращали — ничем Вы не обезоружите неприязни и недоброжелательства тех людей, которые видят в литературе лишь Дарвиновский вопрос борьбы за существование.

Вследствие этого я напоминаю Вам, что Вы обязались честным словом и подпиской ничего не исключать без моего на то согласия и настоятельно прошу прислать мне корректуру всей второй части. — То, что будет подлежать выключке, я отмечу чернилами.

Не взыщите — я прошу Вас настоятельно, потому что и в первой части наделаны некоторые промахи противу психологии и эстетического чувства.

<Без подписи>

Во второй половине этого письма речь снова идет о повести «Светские люди». Алексей Колосович, главный герой этой повести, влюблен в благородную красивую девушку и хочет жениться на ней, но из-за козней своей бывшей любовницы гибнет от скоротечной чахотки. Повесть печаталась в октябрьской и ноябрьской книгах «Отеч. Зап.». Подписана она была псевдонимом: А. Чернолесов, за которым укрылся упомянутый выше «протез» Ф. Толстого, молодой аристократ Бутенев (возможно, сын известного дипломата А. П. Бутенева). Характерно, что, видимо, в угоду направлению «Отеч.

Зап.» Колосович изображен небогатым помещиком, «сочувствующим» идеалам 60-х годов. Он увлекается делом народного образования и борется за демократический, независимый суд. Вместе с тем, вся повесть написана в бульварно-романтическом духе: «Глаза ее сверкнули, ноздри раздулись и по лицу разлилось выражение ядовитой радости и злорадного торжества. Она впиалась своим взглядом в Колосовича. Она пожирала его глазами, она обдавала его с ног до головы леденящею струею смертельной ненависти». Стиль этот казался особенно диким в «Отеч. Зап.» на фоне реалистических повестей и рассказов Салтыкова-Щедрина, Глеба Успенского, Решетникова. Не трудно представить себе, с какой неохотой печатала редакция журнала эту «принудительную» повесть.

Впрочем, зависимость «Отеч. Зап.» от Феофила Толстого уже приходила к концу. Можно было не сомневаться, что после разоблачений Трубникова Министерство внутренних дел воспользуется первым предлогом, чтобы избавиться от скомпрометированного чиновника.

Предлог этот очень скоро нашелся.

В той же октябрьской книге «Отеч. Зап.», где печатались «Светские люди» Чернопесо́ва (Бутенева), появилась известная сатира Некрасова «Недавнее время». В сатире были следующие «дерзкие» строки:

Впрочем, быть генерал-адъютантом,
Украшенья носить на груди —
С меньшим знанием, с меньшим талантом
Можно... светел твой путь впереди!

Этими строками был весьма уязвлен тогдашний министр внутренних дел А. Е. Тимашев, ибо он состоял генерал-адъютантом, и вся его грудь была испещрена «украшениями». На свою беду Ф. Толстой принялся слишком рьяно защищать это стихотворение в Совете, не соображая, что тем самым наносит кровную обиду министру. В своей обширной речи он указал, между прочим, что слово генерал-адъютант вставлено «сюда «для стиха» <!> и «для соблюдения местного колорита» <?> и что в политическом отношении сатира Некрасова является «совершенно невинной» <?!>.

Это явно инспирированное выступление Феофила Толстого, так сказать, переполнило чашу.

24 октября 1871 г. министр внутренних дел написал на тех самых листах, на которых было изложено мнение «члена Совета Толстого» о «Недавнем времени» Некрасова:

«Прошу г. заведующего Главным управлением по делам печати объяснить господам членам Совета о совершенном неудобстве того способа наблюдения, которому были подвергаемы „Отеч. Зап.“, редакция которых, как мне известно, считает себя вполне огражденной от законной ответственности, так как статьи, ею помещенные, были предварительно одобрены членом Совета» ⁷⁴.

После такой резолюции Феофилу Толстому оставалось одно — подать в отставку, после чего из влиятельного чиновника цензурного ведомства он сразу превратился в мелкую литературную сошку, лишенную каких бы то ни было перспектив и надежд. Ниже мы приводим письмо, в котором он извещает Некрасова о своем увольнении.

<34>

<20 ноября 1871 г.>

Милостивый государь
Николай Алексеевич!

Позвольте поблагодарить Вас за лестное Ваше ко мне внимание. — Ноябрьский № «Отечественных Записок» вышел несколько дней тому назад, а нумера этого я еще не получил и, вероятно, не получу.

Позвольте припомнить при этом, что, во 1-х, Вы обещали 30 оттисков известной Вам повести, которые давно, вероятно, готовы, но оттисков этих я еще не получил.

Во 2-х, Вы говорили мне, что сохранили р у к о п и с ь, которую просил бы Вас возвратить.

Наконец, судя по оттискам прежде пересланным, следует автору повести около 120 р<ублей>, если не ошибаюсь, которые справедливо было бы ему выдать.

От службы по Г<лавному> У<правлению> я уволен, о чем не сожалею, так как я не мог быть при настоящих обстоятельствах полезен русскому слову.

Но глубоко сожалею о том горестном невнимании, которое оказывают мне те, для которых я наиболее трудился.

Примите уверения в сов<ершенном> почтении и преданности

Ф. Т.

20 н<оября>

На обороте последнего листа карандашом, рукою Некрасова, сделана следующая запись:

На Виш<ерскую?> ст<анцию?>

купцу Медведеву

пер<едать> Николаю Афанасьеву

Вскоре после того, как цензурное ведомство уволило Феофила Толстого в отставку, редакция газеты «Голос», где он очень усердно сотрудничал, сообщила ему, что отныне не нуждается в его фельетонах и что вообще весь музыкально-театральный отдел передается в ведение другого лица. Этим она подчеркнула, что печатала его статьи поневоле.

Освободился от него и Некрасов. Последняя статья Феофила Толстого о музыке появилась в декабрьской! книге «Отеч. Зап.» (в сильно исправленном виде), и с той поры сотрудничество в этом журнале стало для него недоступно.

Такова обычная судьба человека, ведущего двойную игру. Чуть только его обличат как двурушника, оба лагеря изгоняют его — и тот, которому он изменял, и тот, которому он тайно служил. Это в порядке вещей, но характерно, что Ф. Толстой, продолжая настаивать на своем бескорыстии, изобразил себя невинною жертвою людской неблагодарности и злобы. Не желая признать, что печатание его статей в «Отеч. Зап.» было замаскированной взяткой, он обратился к Некрасову с новым письмом.

<35>

<22 декабря 1871 г.>

Я писал Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, что я не могу приняться за составление статьи для следующего № «О<теч>ественных З<аписок>», не повидавшись с Вами или с г. Салтыковым.

Необходимо знать, что же, наконец, от меня требуется.

То, что исключено в последней моей статье, не имеет и тени полемического характера; тут заявлен только факт общеизвестный в нашем музыкальном мире и который и г н о р и р о в а т ь пишущему о музыкальных наших делах невозможно.

Тот же г. Салтыков пропустил в июне 1870 года статью чисто полемическую, в которой я изобличил непрошенное вмешательство Стасова в наши дела.

По какой же причине ныне переиначена моя мысль — это не спросясь и после просмотренной и подписанной мною корректуры?

Насильно мил не будешь — след<овательно>, если мои статьи Вам не по душе, то навязывать их не стану; но согласитесь, что при известных Вам обстоятельствах — это более, чем прискорбно.

Решайте как угодно, но для меня в р е м я д о р о г о, — и я прошу Вас объявить мне положительным образом: желаете ли Вы или нет моего

сотрудничества на прежних основаниях, т. е. с неперменным условием не изменять в моих статьях то, что не предосудительно в цензурном отношении.

Таковых уклонений у меня и быть не может.

А. А. Краевский также желает спустить меня, повидимому. Что ж. Я так и ожидал. Лимон выжимают, а корку бросают.

Все это совершенно в духе нашего времени, но дело в том, что мне литературный труд необходим теперь и если ни Вам, ни «Голосу» я не пригоден, то мне нужно поскорее искать, где приютиться.

Примите уверения в совершенном почтении и пр<едан>ности.

Ф. Т.

22 декабря 1871 г.

На это письмо Некрасов ничего не ответил. Через несколько дней Ф. Толстой горько жаловался Краевскому: «Некрасов не обратил ни малейшего внимания на покорнейшую мою просьбу уведомить меня, что от меня требуется? Что мне дозволяется и что запрещается? Покорнейшая моя просьба была передана баринком <Некрасовым> на обсуждение г. Салтыкова, и великий Щедрин, в воздаяние трудов, понесенных мною при злосчастном моем наблюдении за желчными его измышлениями, которые я выносил, можно сказать, на своих плечах, — оставил просьбу мою без ответа. Он достиг своей цели, потому что, не получая ответа и не удостоившись свидания ни с ним, ни с Щедриным, я должен считать себя отставленным от сотрудничества».

Обе отставки совпали, как причина и следствие. Только притворяясь бесконечно наивным, этот давний соратник Булгарина, враг Чернышевского, хулиатель Решетникова и Глеба Успенского мог изображать дело так, будто он и вправду не догадывается, по какой единственной причине ему давали «приют» в журнале Щедрина и Некрасова...

Публикуемые письма по-новому освещают для нас кое-какие особенности той сложной и гибкой тактики, при помощи которой Некрасов проводил в подцензурную прессу идеи своей революционно-демократической «партии» и долгие годы сохранял ее печатные органы.

С необычайной полнотой и наглядностью они открывают нам в образе Феофила Толстого, каковы были те представители цензурного ведомства, с которыми Некрасову приходилось поневоле общаться в интересах своего великого дела.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Русские достопамятные люди. Заметки и воспоминания по поводу труда Я. Н. Бантыш-Каменского „Словарь достопамятных людей“. (Из собрания С. Д. Полторацкого)». — «Русская Старина», 1892, VII, 30.

² Письмо А. С. Шереметевой к родителям. — «Архив села Михайловского», II, вып. 1, 39.

³ Письмо А. Я. Булгакова к дочери — кн. О. А. Долгорукой от 25 сентября 1833 г. — «Русский Архив», 1906, II, 76—77.

⁴ Ф. Толстой. По поводу записок М. И. Глинки. — «Русская Старина», 1871, IV—VI, 421—456.

⁵ М. Г л и н к а. Записки. М.—Л., 1930, 80 и 89.

⁶ «Знакомые». Альбом М. И. Семевского. СПб., 1888, 29 и 103.

⁷ Письмо А. Я. Булгакова к брату от 25 октября 1833 г. — «Русский Архив», 1892, I, 608—609. — Отец Феофила Толстого, М. Ф. Толстой, был женат на дочери Кутузова. — А. Ф. Л в о в. Записки. — «Русский Архив», 1884, III, 87.

⁸ А. С е р о в. Несколько слов о брошюре Ростислава: «Подробный разбор оперы М. И. Глинки „Жизнь за царя“». — «Москвитин», 1854, XXIII, 139—146.

⁹ В. С т а с о в. Собр. соч. СПб., 1894, I, 799—800.

¹⁰ Там же.

¹¹ Письмо В. В. Стасова к М. А. Балакиреву от 12 декабря 1868 г. «Переписка М. А. Балакирева со Стасовым». М.—Л. 1925, 260.

¹² Письмо М. П. Мусоргского к М. А. Балакиреву от 26 января 1867 г. — Мусоргский. Письма и документы. М.—Л., 1932, 539—540.

- ¹³ Письмо А. П. Бородин к Е. С. Бородиной от 5 октября 1873 г. — Бородин. Письма, М., 1936, II, 50—51.
- ¹⁴ П. У с о в. Из моих воспоминаний. — «Исторический Вестник», 1882, I, 121—123.
- ¹⁵ А. С е р о в. Парижские Феофилычи. — «Театральный и Музыкальный Вестник», 1860, IX.
- ¹⁶ Б. П а п к о в с к и й и С. М а к а ш и н. Некрасов и литературная политика самодержавия. — «Литературное Наследство», 49—50, М., 1946, 480.
- ¹⁷ Н. Л е с к о в. Геральдический туман. Заметки о родовых прозвищах. — «Исторический Вестник», 1886, VI, 600 (примеч.).
- ¹⁸ Письмо В. В. Стасова к Е. Н. Пургольд. «Русская Мысль», 1910, VI, 176. — Текст «Райка» напечатан в книге: Мусоргский. Письма и документы. М.—Л., 1932, 164—165. См. также Н. Ф и н д е й з е н, «Stabat Mater» А. Н. Серова. — «Русская Старина», 1893, IV, 82.
- ¹⁹ Письмо М. И. Глинки к К. А. Булгакову от 23 июля 1855 г. — М. Г л и н к а. Записки. СПб., 1883, 357.
- ²⁰ «Записки гр. М. Д. Бутурлина». — «Русский Архив», 1897, III, 526.
- ²¹ Письмо И. А. Гончарова к А. Н. Цертелеву от 16 сентября 1885 г. — И. А. Г о н ч а р о в. Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938, 332.
- ²² «Русская Старина», 1887, VII, 144—145.
- ²³ Письмо А. К. Толстого к М. М. Стасюлевичу от 28 октября 1868 г. — «Стасюлевич и его современники», СПб., 1912, II, 316; письмо А. Н. Цертелева к М. М. Стасюлевичу. Там же, 402; А. К о н д р а т ь е в, Граф А. К. Толстой. Материалы для истории жизни и творчества. СПб., 1912, 67—68 и мн. др.
- ²⁴ Ф. Т о л с т о й. Коптитель неба. — «Русский Мир», 1874, № 273.
- ²⁵ Р о с т и с л а в <Ф. Толстой>. Ночь у гроба в бозе почившего блаженный и вечный памяти государя императора Николай I. — «Северная Пчела», 1855, II (была перепечатана во многих тогдашних газетах).
- ²⁶ Р о с т и с л а в. Музыкальные беседы. — «Северная Пчела», 1854, 19 апреля, № 185.
- ²⁷ Р о с т и с л а в. Лжемудрость героев Чернышевского. — «Северная Пчела», 1863, 27 мая, № 138. «Есть личности, — говорилось в статье, — неприкосновенные по их особенному положению» (это был явный намек на то, что Чернышевский арестован). Статья заканчивалась такими словами: «Говорят, что г. Чернышевский получил от редакции „Современника“ четыре тысячи за свое образцовое произведение. Цифра почтенная и делающая честь как щедрости, так и разборчивости почтенной редакции. Но вот беда. Не раздобыл бы г. Чернышевский...»
- ²⁸ См. рукопись в Гос. библиотеке им. Ленина (36/151) «Нигилисты в домашнем быту. Драматические и философические очерки в 3 актах и 10 картинах с эпилогом. Соч. Н... Н... (Из романа г. Чернышевского „Что делать?“). На последней странице рукописи рукой Н. С. Лескова, против имени Н... Н... написано: Ф. М. Т о л с т о й. «Сценарий это, — пишет в самом конце Н. С. Лесков, — сочинено членом Главного правления <sic> по делам печати Феофилом Матвеевичем Толстым и им мне подарено для подражания...»
- ²⁹ Н. Щ е д р и н (М. Е. Салтыков). Полное собр. соч., М., 1937, V, 121—132.
- ³⁰ Ф. Т о л с т о й. Коптитель неба. — «Русский Мир», 1874, № 276.
- ³¹ Р о с т и с л а в. Музыкальные беседы. — «Северная Пчела», 1854, № 134.
- ³² А. С е р о в. Несколько строк о брошюре Ростислава... — «Москвитянин», 1854, XXIII, 139—146.
- ³³ См., например: Ф. Т о л с т о й. Воспоминания по поводу «Записок М. И. Глинки». — «Русская Старина», 1871, IV—VI, 421—456.
- ³⁴ Письмо Ф. М. Толстого к А. В. Дружину от 6 января 1863 г. — «Письма к А. В. Дружину». Изд. Гос. литературного музея. М., 1948, 313—314.
- ³⁵ К. П у т и л о в (Писарев). Образованная толпа. — «Дело», 1867, III и IV (Собр. соч. Д. И. Писарева. СПб., 1894, VI).
- ³⁶ В. Ф и г н е р. Запечатленный труд. М., 1929, I, 42.
- ³⁷ Ф. Т о л с т о й. Коптитель неба. — «Русский Мир», 1874, № 276.
- ³⁸ В. Е в г е н ь е в-М а к с и м о в. Д. И. Писарев и охранители. — «Голос Минувшего», 1919, I—IV, 145—146.
- ³⁹ То-есть обыск, так как в 1866 г. М. Н. Муравьев стал привлекать к этой жандармской работе гвардейских офицеров.
- ⁴⁰ «Суд» (1867).
- ⁴¹ Б. П а п к о в с к и й и С. М а к а ш и н. Ук. соч., 476.
- ⁴² В. З о т о в. Петербург в сороковых годах. — «Исторический Вестник», 1890, IV, 97—98.
- ⁴³ Н е к р а с о в V, 246. — Слова Феофила Толстого, действительно, оказались «болтовней»: «Записки охотника» были разрешены лишь в 1859 г.
- ⁴⁴ См., например, заметку: С. П. «Новая драма на московской сцене». — «Наше Время», 1862, 30 ноября, № 259.
- ⁴⁵ Н. Г у р и н. Московские письма. I. — «Совр.», 1863, I—II, 163—176.

⁴⁶ Комментатор сочинений Н. Щедрина ошибочно указывает в данном случае на повесть «Капитан Тольди», напечатанную в «Современнике» в 1851 г. (Н. Щедрин. Полное собр. соч. М., 1937, V, 451). «Капитан Тольди» — не оригинальная повесть, а перевод с французского.

⁴⁷ В. Евгеньев-Максимов. Последние годы «Современника». Л., 1929, 164—166.

⁴⁸ С. В. Звонарев был в то время служащим Некрасова. В 1864 и в 1869 гг. Некрасов издавал свои «Стихотворения» под фирмой «книгопродавца С. В. Звонарева». Книжный магазин Звонарева находился при конторе «Современника».

⁴⁹ Некрасов, V, 439.

⁵⁰ Б. Папковский и С. Макашин. Ук. соч., 479.

⁵¹ Н. Щедрин. Полное собр. соч., М. 1937, VIII, 383.

⁵² Глеб Успенский, Остановка. Рассказ проезжего. — «Отеч. Зап.», 1868, VII, 63—92.

⁵³ То же выражение встречается в первой редакции очерка «Легковесные»: «Мысль лепечет при виде крашенных гробов, громко величающих себя столпами мира» (См. Н. Щедрин. Полное собр. соч., Л., 1935, VII, 503).

⁵⁴ Цитируем по книге: В. Евгеньев-Максимов. В тисках реакции. М.—Л., 1926, 30—32 (донесение Ф. Толстого опубликовано здесь в извлечениях). Пользуемся случаем указать на ошибочность комментария Н. В. Яковлева к одному из писем Щедрина к Некрасову от 21 марта 1868 г. (Н. Щедрин, Полное собр. соч. М.—Л. 1937, XVIII, 428). Предположение комментатора о том, что очерк «Легковесные» подвергся предварительному просмотру Ф. М. Толстого, опровергается публикуемым нами письмом этого последнего к Некрасову.

⁵⁵ Ср. текст «Старой помпадурши» в «Отеч. Зап.» (1868, XI) с текстом Полного собр. соч. Н. Щедрина (Л., 1934, IX).

⁵⁶ «Отеч. Зап.», 1868, XII, 343.

⁵⁷ В статье Ф. Толстого о петербургских театрах среди многих других заметок находился краткий отчет о новой опере Э. Направника «Нижегородцы».

⁵⁸ «В 1867 г., находясь в Париже, вел. кн. Елена Павловна пригласила Берлиоза для шести концертов Русского музыкального общества в Петербурге, предложив ему гонорар в 15 000 франков, обеспечивая, кроме того, все его расходы по поездке и пребыванию в столице. Концерты состоялись в сезон 1867—68 гг.». — «Вестник Европы», 1881, X, 536—537.

⁵⁹ Речь идет о смерти А. С. Даргомыжского, последовавшей 5 января 1869 г.

⁶⁰ Б. Папковский и С. Макашин. Ук. соч., 482.

⁶¹ Там же, 483.

⁶² «Отеч. Зап.», 1869, I, III, VI.

⁶³ «Отеч. Зап.», 1870, II, 371.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Б. Папковский и С. Макашин. Ук. соч., 462.

⁶⁶ «Андреем Первозванным», здесь и ниже, автор письма называет А. А. Краевского.

⁶⁷ Письмо это было опубликовано с неверною датой: «29 июля» (без года) в «Архиве села Карабихи» (М., 1916, 240—241). Та же неверная дата указана в сборнике «Рукописи Н. А. Некрасова», изданном Всесоюзной библиотекой им. В. И. Ленина (М. 1939, 63). Между тем известно, что заседания Совета Главного управления по делам печати происходили по вторникам, а так как письмо Феофила Толстого написано в день одного из таких заседаний, мы читаем неразборчиво подписанную цифру под этим письмом не как девятку, а как семерку (ибо ближайший вторник был именно 27 июля).

⁶⁸ «Биржевые Ведомости», 1871, 16 июля, № 192.

⁶⁹ «Биржевые Ведомости», 1871, 18 июля, № 194.

⁷⁰ «Биржевые Ведомости», 1871, 19 июля, № 195.

⁷¹ «Многострадалные», которым Ф. М. Толстой противопоставил повесть «Светские люди», — так были озаглавлены очерки Никитина из быта кантонистов, печатавшиеся в «Отеч. Зап.», 1871, VIII, IX и X. В очерках изображены зверские насилия, которым подвергались кантонисты в военных казармах.

⁷² Б. Папковский и С. Макашин. Ук. соч., 480.

⁷³ «Голос», 1871, 12 июля, № 197 («Листок»), а также № 199 от 20 июля того же года.

⁷⁴ Н. Ашукин. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М.—Л., 1935, 393.

⁷⁵ Министру внутренних дел — Александру Егоровичу Тимашеву.

⁷⁶ Автограф этой резолюции А. Е. Тимашева см.: «Литературное Наследство», 49—50. М., 1946, 473.